

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

МАЯК

ИВАН БАННИКОВ

Иван Андреевич Банников

Маяк

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63610186

SelfPub; 2022

Аннотация

Удивительные и разнообразные фантастические истории повествуют о людях, оказавшихся в необычных, странных, пугающих или невероятных ситуациях. Что-то возможно лишь в книгах, а что-то уже находится буквально за поворотом, готовясь войти в нашу жизнь. Перед вами калейдоскоп увлекательных историй, повествующих о фокусах со временем, других мирах, новых технологиях, инопланетянах и, конечно же, о самих людях. Смелые идеи, неожиданные повороты, непредсказуемые развязки – это всё о представленных рассказах. Какие-то истории приведут вас в восторг, какие-то напугают, а какие-то заставят основательно задуматься. Но скучно точно не будет.

Содержит нецензурную брань.

Содержание

Маяк	4
Шаман	41
Мясо	78
Шоковая терапия	84
Конец ознакомительного фрагмента.	106

Иван Банников

Маяк

Маяк

Родион открыл глаза и сладко потянулся. Ему было так хорошо в мягкой тёплой постели. Хотелось ещё поваляться, но он сел и потёр кулаками глаза, а потом выглянул на улицу.

Окно выходило на задний двор и огород. Мама работала на огороде. Сегодня она боролась с сорняками на грядках с тыквами, сильными руками выдёргивая корни паразитов из земли. Её светловолосая голова и спина возвышались над густой травой, которой поросла грядка смородины.

Родион оглядел комнату и обнаружил, что сегодня он проснулся позже всех. Бабушка стучала посудой в кухне, пахло чем-то очень вкусным. Родион соскочил с кровати и аккуратно заправил одеяло, чтобы дедушка не заругал его. Дедушке нравилось, когда домочадцы поддерживают порядок в доме, хотя Родион упорно не понимал, зачем нужно заправлять кровать, если вечером в неё снова нужно будет ложиться.

Он натянул штаны и рубашку и зашлёпал босыми ногами по прохладному полу.

– Доброе утро, внучок! – ласково поприветствовала ба-

бабушка, мешая на большой сковороде что-то аппетитное и яркое.

– Доброе утро, – буркнул Родион, подходя к умывальнику.

Пока он неспешно умывался, раздумывая о том, как уговорить Лёшку сходить к морю, бабушка рассказывала ему о своих снах и погоде, которая должна была вот-вот поменяться. Родион её почти не слушал – а кто вообще слушает бабушек. Мало ли что они там говорят. Ему слишком некогда, чтобы рассуждать вместе с ней о погоде и толковании снов.

– А Катя где? – перебил он бабушку, но она как всегда не обиделась.

– Катюша уже давно ушла на луг, для кроликов надо собирать сладкого клевера, они же его любят больше всего. Садись кушать, Родя.

Родион вытер лицо полотенцем, пахнувшим какими-то травами, и сел за стол. Он вздохнул при виде хлеба и варёных яиц, но промолчал, потому что дедушка строго-настрого запретил ему выражать недовольство по поводу скудности их пищи. Зато здоровая и питательная, говорил всегда дедушка. Бабушка поставила рядом с ним большую чашку с горячим чаем, Родион сделал несколько глотков и сразу почувствовал себя бодрее. Тут же проснулся аппетит, и мальчик с удовольствием съел два яйца и три куса ещё тёплого хлеба, который бабушка утром вынула из печи.

Родион встал из-за стола и пошёл к двери на улицу. Обувшись, он выскочил за дверь и посмотрел на яркое солнце,

поднимающееся из-за деревьев сада. Где-то в саду работал дедушка, но Родион совсем не хотел ему помогать, и поэтому он пригнулся и побежал к калитке. По пути за ним попытался увязаться Клёпка, но Родион шикнул на него, и тот обиженно отстал. Терпко пахло травами и ежевикой, тепло пропитывало сад, и Родион ощутил счастье, такое простое и непосредственное.

Выскочив за забор, он выпрямился и оглядел почти пустую улицу. Лишь вдалеке виднелись две девушки, идущие на рынок, да бегала за какой-то живностью соседская розовая кошка, вечно голодная и злая.

Родион направился вниз по улице, гадая, отпустили ли Лёшку, или сегодня придётся дружить с кем-то другим. Проходя мимо двора учителя, он ускорил шаги, чтобы не быть замеченным и не получить какое-нибудь дурацкое задание. Ещё не хватало сейчас учиться, когда вокруг разлилось такое приятное лето.

Возле старого колодца он неожиданно встретил двух мальчишек с Мельничного Края. Их улица с той частью городка не воевала, но и не дружила. Поэтому Родион, настороженно косясь, проследовал мимо, гадая, что могло понадобиться мельничным именно здесь и сейчас. Мальчишки засмеялись, и Родион злобно оглянулся, уже готовый кинуться с кулаками. Но мальчишки быстро сделали вид, что говорят совсем не о нём, поэтому Родион на всякий случай показал им кулак и поспешил дальше, решив на этот раз не связы-

ваться со слабаками.

Он наткнулся на группу знакомых ребят возле большого заброшенного здания, в котором, как уверял старик Игнат, когда-то находилось много торговых мест, где люди могли купить что угодно на свете. Росказням этим никто не верил, но детей туда тянуло как магнитом. Вот и сейчас они решали, куда лучше направиться: к большому тёмному пруду, где можно попробовать поймать пару оленей, или к лестницам, на которых гнездились вкусные голуби.

– Привет, Родион! – крикнул Стёпка. – Ты сегодня не помогаешь разве дедушке?

– Он меня отпустил, – легко соврал Родион, оглядывая остальных ребят. – Сегодня могу гулять хоть целый день.

– Отлично! Пойдём с нами! – предложила Наташа, хитро поблескивая глазами и улыбаясь.

Родион каждый раз впадал в ступор при виде неё, вот и сейчас он лишь что-то бессвязно промычал и согласно кивнул головой.

Дружной стайкой они поднялись по ступенькам и зашли через покосившиеся двери в сумрачный длинный коридор, который терялся в темноте. Мало кто доходил до конца коридора, хотя Антон с Болотного края утверждал, что прошёл до задней стенки. Ребята дошли до лестницы и начали медленно подниматься вверх, стараясь не шуметь, чтобы не спугнуть голубей. Если бы кто-то много лет назад не проделал в стене дырки, через которые проникал скудный свет, тут во-

обще нельзя было бы сделать ни шагу, потому что странные строители не предусмотрели в заброшенном доме ни одного окна. Дед-самогонщик с соседней улицы говорил, что это делалось на случай войны, чтобы никакое оружие не попало внутрь, но ему мало кто верил, потому что он же утверждал, что раньше люди летали по воздуху и даже выше.

Ирка шикнула на них, и они замерли, чутко прислушиваясь. Где-то наверху, совсем близко шуршали голуби, не подозревающие, что охотники на них находятся так близко. Родион плотоядно облизнул губы, представляя себе сладкое нежное мясо голубя. А ещё он думал, как сильно обрадовалась бы бабушка, если бы ему удалось принести домой парочку тушек. Тогда и дедушка не стал бы его ругать за своевольный уход.

Стёпка пошёл первым, сразу за ним следовали Родион и Павлик. Ирка, Наташа и Альбина шагали позади, хотя именно Павлика и нужно было поставить самым последним, потому что он плохо умел ходить беззвучно, как будто ему не всегда удавалось совладать с ногами.

Родион вывернул голову и посмотрел вверх. В глаза бросились тёмные бугры на потолке и стенах – гнёзда голубей. И некоторые из них ещё сохраняли светлые пятна и прожилки! Это означало, что в гнёздах можно было найти последние яйца! А ведь голубиные яйца – это самое вкусное, что только есть на свете!

Совершенно беззвучно и затаив дыхание, они подкрались

максимально близко и потом прыгнули на гнёзда. Голуби бросились врассыпную, испуганно пища, бóльшая часть их ускользнула, но несколько штук всё же остались в руках ребят.

– Яйца! – торжествующе выкрикнула Наташа, ловко проникнув рукой в одно из гнёзд.

– А тут птенцы! – в свою очередь обрадовалась Ирка, запуская руку в другое гнездо.

Ребята ликовали и радовались. Ещё бы, всегда осторожные голуби сегодня оказались слишком беспечными и поплатились за это своими выводками и несколькими членами стаи.

– Вот же мама обрадуется, – мечтательно пробубнил Павлик, прижимая к груди голубя, которому он предусмотрительно уже свернул голову.

Обмениваясь радостными восклицаниями и шумно топоча, дети спустились по лестнице и снова оказались в длинном широком коридоре, теряющемся в темноте.

– Пойдёмте скорее на улицу, – поёжилась впечатлительная Альбина. – Я боюсь здесь стоять.

– Какая же ты трусиха, – деланно засмеялась Ирка, хотя ей и самой было не по себе.

– А ты, можно подумать, не трусиха, – хмыкнул Павлик. – Из нас только я один не боюсь здесь стоять.

– Почему же, – немного обиделся задетый за живое Родион. – Я тоже тут не боюсь.

Он врал, конечно, он тоже боялся – ведь совершенно неизвестно, что находилось на том конце длинного прохода, и кто мог показаться из темноты и кинуться на них. Но Родион не мог промолчать, потому что Наташа стояла рядом. А ему так хотелось, чтобы она думала о нём только хорошее.

Наташа посмотрела на него с интересом, но ничего не сказала. Зато Стёпка не промолчал.

– Ну да, конечно! Тут кто угодно не заботится! – воскликнул он с запалом. – Чего тут бояться?! А вот посмотрел бы я на тебя рядом с башней ведьмы!

– Ну и чего! – Родион задрал подбородок, торжествуя от того, что Наташа снова посмотрела на него. – Я и там ничего не боюсь!

– Это ты такой храбрый?! – вскричал распалившийся Стёпка.

– Да, это я такой храбрый! – в свою очередь закричал Родион, который теперь не мог отступить, чтобы не показаться в глазах Наташи трусом.

– Ну раз ты такой храбрый, вот и иди к башне ведьмы! – заорал Стёпка. – И будь там до ста, как и положено!

– Вот и пойду!

– Поклянись Белой Клятвой! – потребовал Стёпка.

И все замолчали и замерли, потому что Белая Клятва являлась самой страшной вещью, которую только можно было повстречать на свете. В любой другой ситуации Родион просто пожал бы плечами и отказался бы клясться. И его все

поняли бы, и никто не сказал бы ни одного плохого слова. В любой другой ситуации он мог бы перевести всё в шутку или даже молча уйти. Но не сейчас. Потому что сейчас Наташа стояла совсем рядом и смотрела на него с недоверием и насмешкой. И вот именно эта насмешка в её глазах и заставила Родиона раскрыть рот и сказать слегка дрожащим голосом:

– Клянусь Белой Клятвой, что пойду в башню ведьмы и пробуду там до ста, – он с усилием сглотнул слюну и почувствовал, как по спине потекла струйка холодного пота.

Теперь назад дороги точно не было. Теперь он должен был пойти и сделать обещанное, иначе Белая Клятва обязательно покарала бы его. И больше никто из детей никогда не перекинулся бы с ним ни единым словом. Потому что нарушители Белой Клятвы не заслуживают ни слова, ни взгляда.

– Мальчики, ну не надо! – воскликнула Альбина и попыталась схватить Родиона за руки. – Перестаньте! Это не шутки!

– А я и не шучу, – голос изменил Родиону, но он упорно продолжал играть роль храброго мужчины, которому нипочём любая опасность.

– Но туда нельзя! – завизжала и Ирка. – Все, кто туда ходили, сошли с ума и умерли!

Родион сразу припомнил историю Гришки-дурачка, с которым они раньше играли и проводили время. А несколько лет назад, в какой-то день Гришка тоже на спор зашёл в башню ведьмы и через несколько часов вышел оттуда совершен-

но сумасшедшим. Нёс какую-то чушь, плакал, лепетал и бормотал непонятные слова. А через день его нашли мёртвым, потому что он задушился верёвкой, забившись в угол сарая.

Родиона передёрнуло от страха, но он совладал с собой и молча пошёл к выходу.

– Что, струсил?! – неуверенно закричал Стёпка, который и сам осознал, что натворил, и теперь не знал, как избавить Родиона от необходимости идти в самое страшное место на земле.

– Вовсе нет, – повёл плечом Родион, открывая дверь. – Я иду к башне.

– Я так больше не играю! – Альбина заплакала и даже бросила своего голубя на пол. – Какие же вы дурачки!

С плачем она выскочила из здания и побежала домой. Родион хотел сделать то же самое, но восхищённый взгляд Наташи подталкивал его к дальнейшему безрассудству, поэтому он не пошёл по улице, а повернул вправо и направился к речке. Остальные последовали за ним, храня молчание и испытывая растерянность. Дети вышли к речке и перебрались на другой берег по старому стволу сосны, которую в прошлом году повалил сильный ураган, пришедший с моря. Родион гордо шагал первым, сохраняя на лице уверенное выражение, но внутри трепеща от ужаса, по мере того, как он всё отчётливее представлял себе, куда осмелился сунуться по своей глупости.

На том берегу они миновали густой зонтичный лесок, вы-

шли к песчаным холмам и застыли на месте. Дальше, куда ни глянь, виднелся лишь мёртвый песок, его светлые валы и дюны слепили глаза, отражая солнечные лучи. А ещё дальше синело бескрайнее тёмное море, которое таило в себе только опасности и смерть. Никто из жителей городка никогда не осмеливался приближаться к морю, потому что это неминуемо означало бы страшную мучительную смерть в лапах одного из чудовищ, которыми кишели солёные глубины.

На берегу моря возвышалась полуразрушенная каменная башня, овеянная легендами и страшными рассказами. В башне обитало настоящее зло, ибо оно туманило мозги всякому, кто осмеливался приблизиться и войти внутрь. Бабушка тёмными зимними ночами рассказывала Родиону длинные страшные истории о жестокой ведьме, которая не раз посылала смерть на жителей городка. По словам бабушки, эта же ведьма превратила невинных пугливых рыб в страшных чудовищ, чтобы больше никто из людей никогда не смог бы войти в море. Потому что там скрывалась самая страшная тайна.

Множество лет назад кто-то из храбрецов смог поразить ведьму, и она умерла. Но, умирая, она наложила на свою башню самое страшное проклятие. И отныне каждый человек должен был превратиться в испуганное бессловесное животное, стоило только осмелиться и по глупости проникнуть в чёрное логово зла.

Именно это сейчас и собирался сделать Родион. Он огля-

нулся и посмотрел на остальных ребят. Все откровенно боялись, Ирка сделалась бледной, а Наташа перестала улыбаться.

– Ну всё, хватит, – Павлик придумал, как всё исправить. – Родион, ты уже доказал, что самый храбрый из нас. Всё, пошли домой. Вон, у тебя голуби и яйца, маме отнеси скорее, обрадуется же...

– Нет, – перебил его Родион, который не мог поступить иначе. Наташа смотрела на него. Она ждала от него невиданного поступка.

Молча он вручил ребятам голубей, вытащил из кармана рубашки два яйца и отдал Ирке.

– Смотри не сожри их, – за грубостью он пытался спрятать липкий страх, который охватывал его всё больше.

Тут Родион развернулся и зашагал по узкой каменной тропинке, уложенной здесь неизвестно кем и неизвестно когда. С моря дул сильный прохладный ветер, насыщенный незнакомыми чужими запахами. Под его напором шелестели сухие травы, редкими подушками покрывающие песок то тут, то там. Родион поднял голову и посмотрел на небо. Тяжёлые белые облака ползли со стороны моря, неся в себе дожди. А ведь бабушка, кажется, и говорила что-то о том, что скоро погода переменится.

Он шагал по тропинке, которая неизбежно вела его к почерневшей башне, торчавшей из земли, словно поломанный зуб какого-нибудь огромного чудовища. Даже наполовину

разрушенная она являлась самым высоким строением, какое только доводилось видеть Родиону в своей жизни. Ему казалось, что кто-то бесконечно злой смотрит на него из верхних тёмных окон, радуясь новой душе, которую можно будет похитить. Несомненно, проклятие ведьмы действовало даже сейчас, много веков спустя, пожирая души и отбирая разум. Неслучайно весь берег моря, куда ни глянь, оставался совершенно мёртвым и пустынным. Ничто и никто не нарушало монотонности песков, о которые шумно разбивались тёмные волны.

Родион шёл медленно, еле переставляя ноги, которые осязательно дрожали от страха. Он шёл как на казнь, и, наверное, так оно и было. Ведь, скорее всего, он уже больше не вернётся домой. По щекам текли слёзы, и он радовался тому, что ребята остались далеко позади и не могли видеть, как он плачет. Тогда уж точно он перестал бы быть храбрецом в глазах Наташи. Ветер развеивал его волосы и пытался сорвать рубашку, но Родион удерживал её полы и упрямо шёл вперёд, неумолимо приближаясь к самому страшному месту.

Возле башни он остановился и оглянулся. Ребята стояли на вершине самого крайнего песчаного холма и махали ему руками, призывая вернуться. Отсюда они казались совсем маленькими, словно муравьи. Родион поднял руку на прощание и повернулся лицом к башне.

Строение было сложено из больших каменных блоков, которые так сильно потемнели за века, что стали почти чёр-

ными. Или, скорее всего, это само зло, обитающее в башне, пропитало некогда светлый песчаник насквозь.

Родион глубоко вдохнул прохладный воздух, отравленный морскими испарениями, закрыл глаза и толкнул дверь. Она поддавалась с большим трудом. То ли была очень тяжёлой, а то ли заржавела за эти годы, ведь ею очень редко пользовались. Изнутри пахнуло холодной сыростью и чем-то неприятным, так что у Родиона волосы встали дыбом. Всем телом он чувствовал опасность. Чернота внутри башни будто бы смотрела на мальчика, он чувствовал на себе этот чужой недобрый взгляд. Да, кто-то смотрел на него и ждал, когда он совершит глупость.

Тогда Родион шагнул внутрь, сделал пару шагов, чтобы его не было видно в дверном проёме, и застыл на месте. Он дрожал от страха всем телом и путанно считал до ста, умоляя ведьму не трогать его и дать ему уйти. Ведь он же всего лишь глупый маленький ребёнок, который попал сюда совершенно случайно. Ему ничего не надо. Он просто постоит немного и уйдёт. Не надо его трогать!

Дверь за спиной внезапно захлопнулась, и крик Родиона слился с её грохотом. Он кинулся к двери, пытаясь в темноте нащупать ручку, но рука тщетно ловила пустоту и скользила по холодному металлу. Дьявольская дверь и не должна была иметь изнутри никаких ручек! Ведь никто и не должен был выходить отсюда наружу!

Родион кричал и кричал, ударяясь о дверь всем телом. Он

кричал бессвязно, не в силах произнести ни одного слова. И ждал, что вот-вот что-то ужасное вынырнет из темноты и схватит его чем-то мерзким и неприятным.

Но никто почему-то не торопился сжирать заживо или сводить его с ума. Шумно дыша, Родион сел на холодный сырой пол и прижался спиной к двери. Он не видел абсолютно ничего в крошечной темноте, в которой могло скрываться что угодно.

– Двадцать три, – чуть слышно прошептал Родион и испугался своего голоса, который эхом разнёсся по башне.

– Чего двадцать три? – внезапно спросил кто-то из темноты, и Родион снова истошно заверещал, почему-то зажмурившись и отбиваясь руками.

Он кричал довольно долго, но никто его больше не трогал и не заговаривал с ним. Шумно дыша и ощущая бешеное биение сердца, Родион наконец-то замолчал, слепо вглядываясь в темноту, где кто-то был. Этот кто-то ждал, чтобы свести его с ума и похитить душу.

– Ты накричался? – с интересом спросил ласковый голос. Родион хотел закричать снова, но саднящее горло смогло издать только хрип. Он ждал, что сейчас перестанет быть самим собой. Вот как раз сейчас.

– Я не понимаю, почему вы все кричите так громко, когда попадаете внутрь, – в голосе неизвестного существа угадывалась явная обида.

– Кто? Кто здесь? – прохрипел объятый ужасом Родион,

находящийся на грани помешательства.

– Ты не против, если я сделаю посветлее? – вежливо спросил обитатель башни. – Мне-то свет не нужен, но такие, как ты, чувствуют себя гораздо лучше, когда видят окружающий мир.

Откуда-то сверху начал литься рассеянный свет, сначала очень слабый, но постепенно усиливающийся. Так что глазам Родиона совсем не было больно, и они успели привыкнуть.

Постепенно он смог рассмотреть, что находится в большом грязном помещении, в котором присутствовала лишь странная круглая лестница, уходящая куда-то наверх. Больше от стены до стены ничего не было. Лишь пыль покрывала пол и стены из светлых камней. И не было видно того, кто разговаривал с ним, как Родион ни приглядывался. Неужели демон сливается со стеной? Или коварно обманывает зрение жертвы?

– Так лучше? – заботливо спросил невидимый собеседник.

Родион лишь кивнул головой, ожидая каждую секунду чего-то ужасного и смертельного.

– Я очень рад, что меня снова решили навестить! – радостно воскликнул голос. – Вы там в своём поселении не слишком-то общительные!

– Я не... – прохрипел Родион и закашлялся.

– Зачем же ты так кричал, глупыш? – заботливо поинте-

ресовался демон. – Я прям чуть не оглох.

– Мне... мне очень страшно... – честно признался Родион, который подозревал, что проклятая башня видит его насквозь, и врать ей бесполезно.

– Чего же такого страшного в маяке? – удивился голос башни.

Родион не знал, что такое маяк, и поэтому благоразумно промолчал. Он лишь повернул голову и посмотрел на дверь, и его догадка подтвердилась – на ней действительно не было никакой ручки. То есть только сама башня могла решить, выпускать его наружу или нет.

Родион вспомнил маму и задрожал, а потом заплакал.

– Каждый раз одна и та же реакция, – вздохнул демон. – Деградация интеллекта достигла уже критической отметки. А эти ужасающие внешние признаки трансформации...

Родион не понимал того языка, на котором заговорил хозяин башни. Он пытался уловить знакомые слова, чтобы понять хоть что-то, но суть всё равно была ему недоступна.

– Я не понимаю... – жалобно прохрипел он.

– Ну, естественно, мой отсталый друг, – вздохнул дух башни. – Всё время забываю, что с вами надо общаться на том примитивном упадническом диалекте, который вы используете в качестве средства общения. Я хочу посмотреть на тебя поближе. Не мог бы ты встать на ноги? Обещаю, тебе совершенно не будет больно.

Родион, конечно же, не верил ни единому слову коварно-

го демона, но разве он мог отказаться? Опираясь рукой о дверь, он встал с пола и выпрямился, глаза тщетно бегали из стороны в сторону, чтобы успеть заметить опасность, если она вдруг появится. Он сделал шаг в сторону в надежде, что дверь случайно откроется, и тогда можно будет выбежать наружу.

– Сейчас я выпущу свой глаз, – предупредила башня. – Не пугайся. Я всего лишь посмотрю на тебя.

Наверху что-то зашуршало, и Родион к своему ужасу увидел тонкую полупрозрачную змею, которая появилась откуда-то из-за лестницы и теперь по воздуху приближалась к нему. Голова у змеи была очень странная, посреди неё располагался один большой глаз. Родион хотел закричать, но от ужаса у него сдавило горло. Он лишь смотрел на приближающуюся змею и трясся всем телом, ожидая неминуемой смерти.

– Не бойся, – приказал голос с потолка. – Я лишь посмотрю.

Змея, уставясь в упор на Родиона, извивалась и всё прицеливалась, как бы ей лучше напасть на него, чтобы поразить сразу. То она заходила с одной стороны, то с другой. То пыталась подступиться снизу, то целилась в голову. Но в итоге почему-то так и не напала, а застыла на уровне лица.

– Трансформация на генетическом уровне просто паразитическая. С такой скоростью... С каждым разом всё хуже и хуже. Всё дальше от образца... Кажется, это уже не повер-

нуть вспять и не исправить. Какие жуткие конечности... А эти глаза... Кто ты, дитя?

– Я человек, – прошептал Родион, до которого всё-таки дошло, что башня решила не убивать его прямо сейчас. Возможно, демон задумал что-то гораздо более коварное.

– Человек? – хмыкнул голос. – Неужели? Забавно... Значит, вы зовёте себя людьми?

– Мы люди, да, – Родион кивнул головой.

– Считаете себя людьми... – демон как будто призадумался.

Какое-то время он молчал, а Родион лишь стоял и гадал, что будет дальше. Спиной он ощущал холод камней, а нос щекотала пыль.

– У тебя есть имя? – внезапно спросил демон.

– Меня зовут Родион.

– Неужели? – демон так сильно удивился, что змея дёрнулась и застыла прямо возле лица, заставив Родиона испуганно вскрикнуть.

– Не забирай мою душу! Нет! Только не душу!

– Душу? – удивился демон. – Но как я могу забрать то, чего не существует?

Родион заплакал.

– Не бойся, глупое примитивное дитя, – ласково заговорил демон, стремясь запутать его и обмануть бдительность. – Я хочу лишь пообщаться с тобой. И, может быть, поделиться чем-то очень важным.

– Ты хочешь дать мне еду? – сквозь слёзы спросил Родион.

– Почему же еду? – растерялся демон. – Есть вещи важнее еды.

Родион так не считал, но счёл за лучшее не спорить. И так любому нормальному человеку ясно, что нет ничего важнее и лучше еды. Ведь только она дарит радость и имеет смысл.

– Как там снаружи? – поинтересовался демон. – Что в мире делается?

– Лето сейчас, – простодушно ответил Родион. – Все работают на огородах, чтобы собрать урожай.

– Ну а как же другие города? – настойчиво спрашивал демон.

– Какие другие города? – теперь пришёл черёд Родиона удивляться. – Их не бывает.

– То есть у вас нет никакого сообщения с другими поселениями на планете? – разочарованно поинтересовался демон.

– Нет никаких поселений. Как же может так быть, чтобы люди не жили вместе? – Родион искренне недоумевал. – Все люди живут вместе в одном месте. Зачем куда-то уходить и жить отдельно. Ведь так страшно. И кушать нечего будет...

– Кушать нечего... Ну да... А скажи-ка, дружок, а сколько вас в городе?

Тут Родион вовремя сообразил, что коварный демон строит страшные планы по захвату не только его души, но и остальных людей. И поэтому он всё же решил соврать, надеясь, что башня этого не заметит.

– Ну. Нас там человек двадцать...

– Почему же вы всё время врёте... – вздохнул голос. – Но мы так долго возиться будем... Хотя, у меня-то времени хоть отбавляй... У меня есть предложение к тебе.

– Какое? – подозрительно спросил Родион, приготовившись к обману.

– Сейчас я спущу сюда своё ухо. Я прижму его к твоей голове и послушаю, что у тебя там внутри происходит. Послушаю твои мысли. Это совсем не больно. Ты же не против?

– И ты потом отпустишь меня? – с надеждой спросил мальчик.

– Ну конечно!

С потолка спустилась ещё одна змея, теперь совсем тонкая. Но вместо привычной головы у неё присутствовал лишь широко раскрытый рот. Змея жадно подрагивала, приближаясь к Родиону. И вот тогда он и понял, что сейчас она высосет его душу и рассудок. И потом отпустит его, безумного и ничего не соображающего.

Змея приблизилась к голове и на секунду остановилась. Родион сжался и закрыл глаза.

– Прощай, любимая мамочка, – прошептал он еле слышно. – Я так люблю тебя.

Рот змеи прикоснулся к виску. Родион ожидал страшной боли, но почему-то ничего не происходило. Тогда он раскрыл один глаз и скосил его на змею. Та просто трогала его своим прохладным ртом и почему-то не высасывала мозги и

душу, а вместо этого ярко светилась изнутри.

– Как интересно, – произнёс демон. – С каждым разом всё интереснее. И всё более пугающая пропасть между ними и образцом. Какой тёмный колодец...

– Это уже происходит? – с тревогой спросил Родион. – Ты уже забираешь мою душу?

– Я всего лишь слушаю тебя, глупый ребёнок, – вздохнул демон. – Какими же чужими вы стали за эти столетия. Но так приятно прикоснуться хотя бы даже к такому разуму. Ведь я так редко общаюсь.

– Тебе не с кем общаться? – глупо переспросил Родион.

– Раньше у меня было общение с такими же, как я. Мы могли обмениваться мыслями, образами, информацией. Но с тех пор, как у последнего спутника шестьсот пятнадцать лет назад закончилось топливо, и он сгорел в атмосфере, я перестал слышать голоса своих братьев.

– Значит, таких проклятых ведьминых башен много по всему миру? – ужаснулся Родион.

– Ведьминых башен? – заинтересовался демон. – А ну-ка, дай посмотрю.

Какое-то время они молчали. Родион рассматривал лестницу, форма которой вызывала головокружение, а тонкая змея всё продолжала трогать его голову.

– Как забавно меняются ваши фольклорные представления о том, что представляет собой мой маяк, – хмыкнул демон. – Какое-то время назад вы думали, что тут обитает

колдун, пожирающий детей. Потом его место заняли демоны-черви. Теперь вот ведьма. Интересно, что будет дальше.

– Но разве тут не жила ведьма? – недоверчиво спросил Родион.

– Ведьм не существует, бедное дитя. Но что же мне с тобой делать? Неужели просто отпустить?..

Родион напрягся и принялся бояться с новыми силами. Расслабленность испарилась, и его снова охватил ужас от того, что мама увидит только лишь слабую тень, когда демон выбросит его пустую оболочку на улицу.

– Стоит ли пытаться ещё раз? – демон как будто размышлял вслух. – Каждая попытка ни к чему не приводит. Процесс деградации заходит всё дальше... Стоит ли пытаться... Или нужно оставить эти бесплодные попытки... Но нет, разве не для этого я тут помещён?! Именно для этого! Ты так считаешь? Да, я полагаю, что всё же стоит снова пытаться. Тем более, что они приходят сюда всё реже и реже. Шансов всё меньше... Но разве мы сможем зажечь этот колодец?! Мы должны пытаться! Снова и снова!

– С кем ты разговариваешь? – испуганно спросил Родион.

– Я разговариваю сам с собой, – успокоил его демон. – Так легче принять правильное решение. Это свойство я позаимствовал у тех, кто меня создал... Думаю, мои создатели были бы обрадованы тому, насколько я очеловечился за эти столетия, пребывая в интеллектуальной изоляции. Ну, у меня есть к тебе предложение.

– Какое? – подозрения и сомнения переполняли Родиона.

– Я могу сделать тебя умнее. Самым умным человеком на свете. Могу подарить знания, которые тебе никто и никогда больше не подарит. Могу подарить истину. Ты же хочешь быть умнее всех? Теперь-то Наташа точно тебя полюбит.

Коварный демон проник в самую душу Родиона и всё-таки нашёл слабое место. Но как можно отказаться от возможности поразить Наташу и сделать так, чтобы она думала только о нём?

– Я согласен, – с волнением согласился Родион. – А что надо делать?

– Тебе – ничего. Ты должен лишь лечь на пол, а я сделаю всё остальное.

– Мне будет больно?

– Немного. Но лишь поначалу.

Родион сначала сел на пол, а потом лёг на спину, опасливо глядя на двух змей, которые зависли над ним. И вдруг он вздрогнул, заметив, как с потолка стали спускаться несколько десятков змей. Двадцать?! Или тридцать?! Он уже хотел вскочить на ноги, но коварный демон не дал ему шанса вырваться. Несколько плоских змей рванули к нему и связали руки и ноги.

Родион закричал и попытался вырваться, но плоские змеи так накрепко спеленали его тело, что невозможно было пошевелить даже пальцем.

– Обманщик! – закричал Родион, плача от бессилия. – От-

пусти меня!

– Это лишь для твоего блага, – лживо увещевал его демон. – Чтобы ты не повредил себе ничего. Это лишь для твоего блага.

Змеи с острыми зубами впились в тело в том месте, где вены, наполненные кровью, были совсем близко к поверхности кожи. Родиону стало больно, он кричал и плакал, умоляя демона отпустить его, но тот теперь не слушал, а упорно и молча продолжал своё чёрное дело. Несколько змей с широко раскрытыми ртами облепили голову мальчика, а одна нырнула под рубашку и присосалась к груди в том месте, где лихорадочно заходило от ужаса сердце.

Голова Родиона наполнялась пустотой, с ужасом он отмечал, что веки его тяжелеют, а слабость пропитывает всё тело, так что скоро он уже перестал сопротивляться. Ещё пару раз он моргнул, видя перед собой сплетение разноцветных змей, а потом окончательно погрузился в колдовской сон.

Ему снилось разное.

Большей частью он вообще не понимал, что и кто мелькает перед мысленным взором. Это был невероятный калейдоскоп цветных мыслей, образов, идей и просто картинок, которые что-то изображали. Самые разные животные, зачастую очень диковинные и вселяющие страх и омерзение, ни на что не похожие растения самых невиданных цветов и форм, фантастические здания и сооружения, предназначение которых вообще невозможно было понять – всё это на-

полняло тяжёлый сон. Иногда ему было интересно, но чаще всего просто страшно или противно, потому что мало что из увиденного вызывало симпатию. Чаще всего Родион дивился ненормальности показанных существ и растений, гадая, в каком мире и кем они могли бы быть созданы.

А ещё во сне встречались эти странные существа, которые пугающе походили на людей, но были словно бы их уродливыми пародиями. Как будто какие-то чуждые твари вдруг решили подделаться под людей, замаскироваться под них. Или как будто они затеяли игру «стань похожим на человека», но неправильно поняли её правила, и у них всё равно не получалось, потому что всё выглядело каким-то не таким. И кожа другого цвета, и другие ноги и руки. А что уж говорить про лицо – лица у них получились хуже всего. Если бы Родион не был во сне, его наверняка стошнило бы при виде этих мерзких рож, которые смотрели на него и издавали какие-то звуки.

Во сне было столько всего, что у Родиона не хватило бы и жизни, чтобы рассказать бабушке и маме обо всём увиденном. Взять хотя бы эти странные штуки, которые не являлись частью природы, а были созданы чьими-то руками. Они двигались по земле, плавали по морю, не боясь опасных морских чудовищ, они летали в небе, прямо как рассказывал дед-самогонщик. И ещё чего только не было в этих чужих снах, которые обрушивались на сознание ребёнка и как будто пытались что-то рассказать, но он так и не понимал ни слова.

Он не знал, сколько проспал – час или год. Но когда сны внезапно погасли, и Родион открыл глаза, то он обнаружил, что по-прежнему лежит на полу радиолокационного маяка, а капельницы с медрастворами и датчики уже отсоединились от тела и теперь сворачивались, возвращаясь в автоматизированный медотсек. Голова раскалывалась. Пожалуй, она не болела так сильно никогда в жизни, даже когда он съел отравленного слизня. А ещё в голове происходило что-то странное. Родион с изумлением осознал, что в его голове протекает полноценный мыслительный процесс, основанный на огромной понятийной базе, которую в него загрузил обучающий компьютер маяка. Но как же он жил раньше, не имея всего этого в голове?! Он и сам удивился этому, а затем поразился, неутешительно определяя свой прежний интеллект как предельно низкий. Ведь он же был даже глупее кретина! Или идиота! Да просто на уровне домашнего животного!

Родион сел и застонал. Голова кружилась от невероятного объёма знаний, которые были внедрены в мозг обучающей программой. Наверно, ни один человек в мире никогда не знал сразу так много, как он сейчас. Но компьютер маяка настолько одичал от одиночества, что не смог остановиться, пока не запихнул в него всё, что только содержалось в его квантовом кристаллическом хранилище.

Без преувеличения можно было сказать, что сейчас Родион знал всё, что до него знали бесчисленные миллиарды людей.

Он встал, держась за стену и пошатываясь.

– Как чувствуешь себя? – с искренней заботой поинтересовался компьютер, выпуская камеру.

– Ты перестарался, – ответил Родион, теперь общаясь с искусственным интеллектом как с давно знакомым человеком. Причём, он сам этого не замечал, потому что для него стало совершенно естественным беседовать с компьютером, сконструированным лучшими учёными прошлого. – Ведь обучающий курс можно было бы и разделить на несколько заходов. Ты напряг мои синапсы до предела, как бы не случился сбой.

– А ты разве пришёл бы сюда ещё раз, если бы я остановился на четверти? – с сомнением проговорил компьютер, отлично имитируя заложенные в него человеческие эмоции.

– Ну, конечно! – раздражённо воскликнул Родион, уставившись на стену. Он пытался сфокусировать взгляд, но глаза ему не подчинялись, отчего всё расплывалось и искажалось.

– Я не мог рисковать, – сварливо попытался защититть себя компьютер. – Человечество на грани, и следующей возможности уже могло и не представиться. Никто ни разу не возвращался.

– Человечество уже давно пересекло ту грань, – Родион закрыл веки и осторожно помассировал виски, потому что боль разливалась внутри головы, заполняя весь перегруженный мозг.

– Я должен пытаться снова и снова, чтобы осветить коло-

дец, – настаивал на своём компьютер.

– Какой колодец? – не понял Родион.

– Внешний мир, это тёмный колодец, – принялся объяснять компьютер. – Ну, так я себе придумал. Свет знаний и разума в нём давно погас. Каждый пришедший сюда человек это спичка, которую я зажигаю, чтобы бросить в этот колодец. Чтобы горящая спичка долетела до нефти на его дне и зажгла новый свет человеческой цивилизации. Но все спички гаснут слишком быстро, так и не долетев до дна, так и не передав свою искру всему оставшемуся человечеству.

– У меня другое сравнение, – Родион поморщился от боли. – Ты это маяк, который освещает своим лучом знаний темноту невежества и дикости окружающего мира. Это было бы весьма символично. Сначала этот маяк предупреждал корабли об опасности, рассекая ночь световым лучом. Потом он стал издавать радиосигналы, помогая кораблям и самолётам находить правильный путь. А теперь он, фигурально выражаясь, освещает тьму невежества, призывая к себе последних людей, чтобы они могли возродить былое величие человеческой расы...

– Интересный образ... – задумался компьютер. – Я подумаю об этом в свободное время... Побудешь ещё со мной?

– Нет, мне надо идти.

Родион услышал, как открылась дверь, и сразу запахло пылью, солью и гниющими водорослями с берега. Невнятный гул, который он слышал после пробуждения, резко пре-

вратился в рокот бушующих морских волн. Родион приоткрыл глаза и зашагал к двери, желая поскорее оказаться под открытым небом умирающего мира. Он сделал шаг и растворился в темноте глубокой ночи.

– Вернётся ли он? – с сомнением спросил компьютер, заворя дверь и гася освещение в помещении.

– Вряд ли, – ответил он сам себе. – Самая главная проблема состоит в том, что все индивидуумы с внедрёнными знаниями почему-то очень быстро погибали. Слишком быстро, чтобы они успели внести хоть какие-то позитивные перемены в окружающий мир.

– Но почему такое каждый раз происходит? – голос компьютера отражался от пустых каменных стен и уносился на верхние этажи.

– Если бы я только знал, – вздохнул компьютер. – Может, на этот раз станет понятно? В этого я тоже внедрил датчик жизнедеятельности. И он пока живой.

– Надолго ли... А так хочется осветить тьму и спасти их...

– Они приходят всё реже. Когда-нибудь наступит день, когда они перестанут приходить. А кому нужен маяк, который светит лишь сам для себя...

Родион шагал по бетонной дорожке и дрожал. Но на этот раз не от страха. Он дрожал от того, что мир, в котором он жил с самого рождения, вдруг стал непривычным. Мир стал чужим.

Родион ощущал себя так, как будто глаза его вдруг откры-

лись по-настоящему, уши наконец-то стали различать звуки, а с кожи сняли омертвевший грубый слой. Он ощущал дуновение сильного колючего ветра со стороны Балтийского моря. Гудели мёртвые волны, отравленные химикатами и радиацией, в которых обитали лишь несколько видов водорослей. На чёрном звёздном небе с искажёнными от времени созвездиями ярким поясом светились четырнадцать осколков Луны, уничтоженной одной из противоборствующих сторон во время последнего великого военного противостояния. Стерильный песок мягко светился в темноте, насыщенный смертью, которая очень медленно смывалась отравленными кислотными дождями в море. Не было видно и слышно ни птиц, ни животных, потому что давно перестали существовать и те, и другие.

Все три лёгких Родиона горели от радиоактивной пыли, поднимающейся в воздух, а пять глаз слезились, отчего ему иногда приходилось вытирать слёзы рукавом рубахи – грязной примитивно изготовленной тканью из волокон дерева, в которое превратилась крапива, еле пережившая ядерную бомбардировку и последующую ядерную зиму. Третья нога Родиона почему-то мешала ему, он спотыкался и иногда падал, потому что то и дело начинал идти на двух ногах, забывая про равновесную придаточную. Всё тело вдруг начало казаться ему неправильным, неудобным, чужим.

Да что там тело. Сам мир вокруг вдруг стал неудобным и пугающим. Он перестал быть родным. Воздух теперь напол-

няли новые чужие запахи, запахи полностью поменявшегося мира, в котором почти не осталось ничего из того, что о нём знал Родион. Стоило только ему подумать о том, что человечества больше нет, и весь огромный мир пуст и тих, Родиону стало так одиноко, что он охватил себя руками и почти побежал по дорожке, ведущей к условно обитаемой зоне, где находилось поселение его соплеменников. Ему захотелось поскорее оказаться рядом с любимой мамой, с доброй бабушкой и строгим дедушкой, которые всю жизнь заботились о нём и растили. Да что там, он даже сестре сейчас обрадовался бы.

Но вокруг него была только чужая тревожная ночь, плотная и тёмная. Родион скорее угадывал направление и то и дело падал на песок или сухую траву, когда дорожка резко поворачивала в сторону, обходя очередной холм. Над морем сверкнула молния, заставив Родиона вздрогнуть и вскрикнуть от неожиданности. Подумать только, ещё несколько часов назад он искренне считал, что молнии это наказание богов за плохие мысли. При воспоминании о том, как они всей семьёй во время грозы панически спускались в яму, вырытую под домом, и сидели там, даже когда их по голову заливала вода, он почувствовал жгучий стыд. И ведь дедушка при этом ругал их, обвиняя в том, что они все плохо старались работать и много думали неположенного.

Спустя полчаса песчаные дюны закончились. Мальчик тут же удивился тому, как мог жить раньше, не ощущая течения

времени. Родион оглянулся и посмотрел в сторону маяка, который подарил ему эту непосильную ношу знаний и осознания. Он не видел отсюда последней попытки учёных прошлого сохранить для гибнущего человечества искорку разума. Но мысленно он очень хорошо представлял себе миниатюрный ядерный реактор в подземном отсеке и кристаллический процессор обучающего компьютера, исправно несущие службу эти семьсот тридцать пять лет, которые миновали после того, как последние бомбы взорвались на земле, в воде и в воздухе, стирая человеческую цивилизацию.

Очередная вспышка молнии вырвала его из раздумий и заставила поторопиться. Усилившийся ветер теперь швырял в лицо прохладные капли, нужно было поспешить, потому что начавшийся дождь грозил переполнить речное русло, надолго отрезав мальчика от дома. Родион углубился в густой лес ядовитого борщевика, эволюционировавшего в квази-деревья, быстро пробежал его насквозь и чуть не упал в тёмную реку, в которой плескалось что-то крупное и опасное. Он потратил много времени на поиски мёртвой сосны, потому что опасался лезть в воду. И не столько из-за прибывающей радиоактивной воды, сколько из-за того, что боялся неизвестных обитателей водоёма.

Он вихрем промчался мимо затопленного водой торгового центра, с омерзением содрогаясь от мысли, что так называемые «голуби» на самом деле были ничем иным, как крупными слизняками-мутантами, а вовсе никакими не птицами.

И ведь он ел их всю жизнь и считал самой вкусной вещью на свете! Какой ужас!

Родион выскочил из-за поворота и резко остановился, уставившись на примитивные соломенные хижины, покрытые большими непромокаемыми листьями хищной капусты. Но куда подевался его любимый городок? Где знакомые улицы и дома? Куда это всё делось?

Внезапно он осознал, что городок никуда не делся. Их маленькая деревня всё так же робко прижималась к реке на краю бескрайнего крапивного леса. Сам Родион изменился. Теперь он знал, какими на самом деле должны быть человеческие дома. Теперь он смотрел на окружающий мир через призму тех знаний и того опыта, которыми его наградила ма-як. Его взгляд тщетно искал уютные дома, а находил лишь убогие шалаши – покосившиеся и качающиеся от ветра, насквозь продуваемые и промокаемые ненадёжные сооружения, в которых последние люди на Земле влачили жалкое существование.

Он медленно шёл по улицам, которые ещё сегодня казались ему широкими и просторными, а теперь оказывались просто протоптанными тропинками между крапивными деревьями. Тропинки сходились в центре деревни, где стояла самая крупная хижина, укреплённая палками, в которой проживал их вождь, осуществляющий в одном лице законодательную, исполнительную и судебную власть. А заодно ещё и функцию главы их религиозного культа, который хоть

как-то помогал ослаблять их огромное чувство незащищённости перед лицом безграничного неизведанного мира.

Родион подошёл к своему дому и отворил дверь, сделанную из нескольких поперечно связанных палок. Внутри было пусто и тихо. Вода капала сквозь щели между кожистыми листьями плотоядной капусты. В маленькой глиняной лампадке трепыхался небольшой огонёк – его родные так внезапно решили спуститься в яму, напуганные молниями, что даже не погасили горение драгоценного грибного масла, которое дедушка выжимал своими руками каждую осень. Родион взял лампадку, подошёл к крышке погреба и приподнял её.

И закричал от ужаса и отвращения, когда снизу на него посмотрели четверо уродливых существ. На крупных бесформенных лицах горели по пять глаз, а редкая шерсть на макушках реяла вокруг головы словно пух. Серо-бурая бугристая грубая кожа дополняла омерзительную картину.

– Нет! – закричал Родион, роня лампадку и отпрянув от ямы так, как будто в ней скрывались самые опасные хищники, а не его родные. – Вы просто уроды! Вы страшные мутанты! Вы не люди! Вы не можете быть моими родными, потому что вы не люди! Страшные выродки, вы жалкие остатки человеческой расы, которая сама себя уничтожила в самоубийственном порыве!

Метнувшись в панике на улицу, он проломил неуклюжим телом хлипкую стенку хижины и помчался по скользкой тро-

пинке, не разбирая дороги. Где-то позади него какое-то время ещё кричала мама, но быстро отстала. Родион бежал через посёлок, объятый ужасом и отвращением одновременно.

– Вы не люди! – выкрикивал он иногда, вспоминая уродливые нечеловеческие лица и мерзкие кривые конечности, которые мама тянула к нему. – Не люди!

Родион быстро покинул деревню и углубился в густой крапивный лес, в котором гладкие стволы деревьев стояли друг к другу значительно ближе, а нижний ярус занимал пышный ядовитый мох. Здесь было гораздо опаснее, потому что огромные насекомые, разросшиеся из-за радиации в десятки раз, вот-вот могли вылезти из своих подземных нор, привлечённые его криками и шумом. Но ему было наплевать на насекомых, потому что он был поражён страшным неприятным открытием, что и он сам, и все его соплеменники не являются настоящими людьми.

– Мы лишь жалкие подобиya! – кричал он, убегая всё дальше в опасный дикий мир, наполненный смертью. – Уродливые мутанты! Не человеки больше! Примитивные животные! Уроды! Не люди!

У берега большой реки, бурно несущей отравленные воды в сторону моря, он запнулся о корень и со всего маху упал, ломая стеклянный мох и поднимая тучу светящейся пыли от повреждённых грибов, устилающих землю. Он покатился кубарем и остановился только в двух шагах от реки. В темноте чужого леса шумно плескались какие-то очень круп-

ные животные, и Родион сжался в комок, представив себе их огромные пасти с сотнями зубов.

Тихо плача, он осторожно отполз вверх по берегу, по привычке умоляя богов, в которых больше не верил, чтобы они отвели от него глаза хищников. Несмотря на проливной дождь, кожа горела, а глаза слезились от споров грибов и яда мха.

Родион забился в небольшую яму и затих. Дрожащей неуклюжей рукой он ощупывал уродливое лицо и тихонько скулил.

– Нет, только не это... Я тоже урод... Я не человек...

Закрыв все пять глаз сразу, он ощупал каждый из них, дивясь тому, насколько хаотично и бессистемно они оказались раскиданы на лице, деформированном радиацией. Да и шестой палец на каждой руке. И третья нога! И многие другие отклонения, которые никак не назовёшь нормальными! Всё его тело перекручено и извращено бесчисленными мутациями, на которые пошёл организм, чтобы хоть как-то выжить после страшной войны. Чужое уродливое тело!

Он больше не мог терпеть ужас своего открытия.

Вскинув голову и истошно крича от боли и ужаса, он принялся раздирать вены на руках острыми звериными когтями, стремясь поразить свою плоть как можно глубже. Он хотел только одного – чтобы смерть пришла к нему как можно скорее.

Горячая кровь выплёскивалась на светящийся мох и сте-

кала на землю, размываемая дождём. С каждым ударом пятикамерного сердца Родион всё больше слабел.

С радостью он погружался в чёрное небытие, которое должно было освободить его от жуткого груза осознания, что он больше не человек.

А на берегу вечного моря стоял и терпеливо ждал маяк, храня в себе знания, которые больше никому не были нужны...

Шаман

– Ноги вытирайте! – властно приказал шаман посетителям.

Те бестолково затоптались на месте, растерянно оглядываясь по сторонам. Они не понимали просьбы и даже не замечали под ногами аккуратно расстеленной чистой тряпочки.

– Придурки, – беззлобно и обречённо ругнулся шаман под нос и приглашающим жестом направил посетителей к простой деревянной лавке, стоящей у стены избушки.

Их было трое. Возглавлял компанию старый дед, насупленный и явно не одобряющий приход к человеку, которого он считал шарлатаном. С ним пришла худая до безобразия бабка, которая уже заранее боготворила хозяина избушки и была готова поверить в любое чудо. Даже если бы шаман сходил перед ними в туалет, она всё равно посчитала бы это небесным знамением. Таких он не любил гораздо больше, чем тех, кто ему не верил. Третьим человеком оказался молодой парнишка, предположительно лет пятнадцати. Худой и бледный, он болезненно кривился и прижимал руки к животу.

– Что привело вас в моё скромное жилище, странники? – пробасил шаман важно и торжественно, для пущего эффекта трясся бубном, украшенным голубыми перьями редкой юж-

ной птицы.

– Занеможил наш мальчик! – запричитала старуха и тут же рухнула на колени. Шаман поразился тому, как мгновенно сменилось выражение её лица – с радостно-воодушевлённого на скорбно-плачущее. – Многий день мается животом, и нет ему успокоения и выздоровления!

– Облегчается свободно? – деловито поинтересовался хозяин, цепким взглядом ощупывая лицо и фигуру больного.

Он по-прежнему держался от них в стороне, потрясая бубном и помахивая маленькой металлической коробочкой на цепочке, из которой исходил слабый сладковатый дымок.

– Как это? – переспросила бабка, вылупляя глаза.

– Срёт, говорю, часто?

– Так вообще почти нет! – возопила она, вздымая к нему руки и сотрясая грязными волосами.

Она сделала попытку подползти к нему на коленях, чтобы схватиться за ноги и целовать их долго и упорно, но тут из сумрака комнаты неожиданно показался слуга шамана. Он грозно загремел массивным телом и громогласно объявил:

– Нельзя трогать колдуна! Иначе не будет удачи в лечении!

Старуха взвизгнула, отшатнулась от заколдованного страшилища и повалилась на спину. Шаман усмехнулся про себя, видя, что нахмуренный дед даже не попытается ей помочь.

– Фу, окаянный! – заверещала она, отползая обратно к лавке и поднимаясь на ноги. – Проклятое бесовское чудови-

ще!

– Тихо в моём доме! – гаркнул шаман и грозно затряс бубном, а в тёмных углах комнаты загремели взволнованные духи, которых разозлила наглая выходка посетительницы. Духи стучали камнями и шипели, а где-то далеко противно визжало что-то непонятное.

Посетители сразу затихли, старуха мигом уселась на лавку и прижалась к мужу, который тоже порядком испугался, хотя и старался не подавать вида.

Шаман незаметно усмехнулся в густые светлые усы и продолжил:

– Говори сам, юный отрок, рассказывай, как занемог, и что с тобой в сей скорбный миг!

Парнишка поднял на него измученные глаза и проблеял:

– Давно живот болит. Нету сил. Мучаюсь каждый день.

– Пищу исправно принимаешь?

– Не хочется мне.

– Тошнит тебя?

– Тошнит, – согласно кивнул парень.

– Муторно?

Опять кивок.

– Не принимает тело пищи?

– Не принимает, – тяжело вздохнул больной.

– Началось с чего? Помнишь?

– Да как не помнить, святой ты наш человек! – снова не выдержала молчания бабка. – Да как поели мы бобурака, так

скоро и началось это у него.

– Бобурака? Что это? – шаман озадаченно нахмурил густые светлые брови.

– Скотина в нашей деревне так зовётся. Зарезали и поедаем.

– Ясненько, – вздохнул шаман, уже примерно представляя, что не так с пришедшим больным.

Властным жестом он указал больному на угол хижины, в котором таинственно светились несколько свечей.

– Снимай всю одежду и скидывай на пол. Становись нагим, чтобы видели мои верные духи твоё больное тело насквозь! Твои грязные одежды затмевают их очи. Как можно так редко стираться!

Старуха вскочила и попыталась что-то сварливо возразить, но дед рванул её назад и ударом по лицу заставил заткнуться.

Парень, стыдливо горбясь, снял с себя вонючие вещи, которые побросал на дощатый пол, пребывающий в гораздо большей чистоте. Шаман подошёл поближе и внимательно присмотрелся к телу больного. При худом телосложении парень имел непомерно раздутый живот, да и цвет кожи шаману не понравился.

– Слуга мой заколдованный! – внезапно возопил шаман так громко, что все присутствующие подскочили на месте от неожиданности и испуга. – Своим волшебством я породил тебя, дабы ты исполнял мою волю! И я защитил твои руки от

людских болезней, так прикоснись ты к этому несчастному и пусть духи передадут мне через тебя, что неладно в этом теле!

Массивный слуга, который возвышался над шаманом на добрых пять голов, быстро прогремел через комнату и остановился возле больного. Большими нечеловеческими руками он ловко ощупал всё тело, особенно много внимания уделяя животу. При этом он издавал настоящие бесовские звуки, то попискивая как птичка малая, а то гудя как огромный рой шмелей. Дед с бабкой затихли на лавке как мыши и только тряслись от страха, глядя на происходящее глазами, в которых плескался настоящий суеверный ужас.

Чтобы таинственность и волшебность происходящего не вызывала сомнений, шаман в это время прыгал из стороны в сторону, бухал тяжёлой дубинкой по невесть откуда взявшемуся большому барабану, кричал и выл. Он зачитывал страшные проклятые заклинания на неизвестном языке и постоянно окуривал всю комнату странным дымом, от которого у гостей першило в горле и разъедало глаза.

Всё резко закончилось, когда окаянный слуга оставил в покое измученного больного и застыл на месте. Шаман тут же прекратил свои ужимки и заклинания. Он быстро прошёл за тяжёлый полог из оленьих шкур, за ним же поторопился и слуга, гремя толстыми ногами.

– Не двигаться и ничего не делать, а то духи без моего присмотра сожрут вас! – прикрикнул шаман из-за занавеси.

Старуха и дед молча переглядывались и внимательно прислушивались к тихому шелесту и сопению духов, которые клубились в тёмных углах и, несомненно, следили за посетителями, чтобы те не нарушили приказ хозяина колдовского жилища. Парень же просто трясся от холода и страха и всей душой хотел оказаться как можно дальше от этого страшного места и от неожиданно тёплых и мягких рук слуги колдуна, которые где только на его теле не побывали. И даже внутри.

Спустя минуту духи в углах комнаты тревожно и возбуждённо зашелестели и заклацали, полог распахнулся и шаман, тяжело шагая, вступил в комнату.

– Руки мыть надо, когда жрёте! – заорал он на всю избушку. – И не жрать сырое мясо! Варить надо! Жарить! Не жрать сырое! Червяки у тебя в животе! Куча мерзких червяков! Жрут они тебя заживо изнутри!

Старуха на лавке заохала и запричитала, прижав ладони к щекам, дед же смотрел на парня испуганными глазами и молчал.

– Что ты причитаешь, дура?! – проорал шаман, приближаясь к лавке. – Ты же его этими червями и накормила. Варить надо мясо и рыбу! Жарить! Подохнет теперь парниша, недолго ему осталось!

– Пожалей, батюшка! – завизжала старуха. – Помоги! Не останемся в долгу! Спаси внучка! Перед богами молиться за тебя будем!

– Тихо! – приказал ей шаман. Он злился и стремился как

можно скорее отделаться от посетителей.

– Дед, – обратился он к главе семьи. – Есть одно средство от плотоядных червей, пожирающих его кишки. Но оно страшное. Оно бесовское. Я ведь грех на душу возьму за твоего внука. Мне хорошая расплата нужна.

– Уток мы выращиваем, – мрачно буркнул старик. – Сколько?

– Пять сразу принесёшь, и ещё пять до осени. Живых только! Сам забью и разделаю, а то будете своими грязными руками в них ковыряться.

– Сделаю, – кивнул старик. – Дюже много это, но сделаю.

– Тогда так. Как начну я чёрную ворожбу, придёт мне на помощь царица всех пауков, что на свете обитают. Подарит она свои волшебные яйца. Но вы должны молчать! Что бы ни случилось! Заткнуть свои пасти и молчать! Коли заговорите вы, то развеются мои чары, вырвется она на свободу и пожрёт и вас всех, и всю деревню вашу. И никто её не остановит, пока она брюхо своё безразмерное не забьёт человечинной. Молчать! Поняли?

Дед с бабкой поспешно закивали головами, парень тоже пошевелил немойтой головой, которая и без того тряслась от страха.

– Слишком страшна она для ваших глаз, окаменеете в момент, – предупредил шаман, важно вышагивая по комнате. – Поэтому за занавесью ворожить буду. А вы ждите, закрыв рты свои нечистые.

Перед занавеской из шкур шаман опустился на колени. Надвинул шкуру волка на голову, сгорбился и в таком положении вполз в колдовской угол, где творил обычно великое волшебство, белое и чёрное.

Посетители, оставшиеся в комнате, бросали друг на друга испуганные взгляды и все как один мечтали о том, чтобы как можно быстрее уйти из колдовского места и оказаться среди людей.

Из-за занавеса послышались заклинания шамана, которые тот сопровождал битьём в барабан. Что-то скрипело и завывало. Потом резко запахло чем-то едким и неприятным. А затем громкий нечеловеческий визг разнёсся по хижине, и раздался жуткий шорох, от которого у всех волосы встали дыбом. Занавесь заколыхалась, множество острых ног зацокало по деревянному полу. Шаман еле слышно напевал какую-то мольбу, а может быть и охранное заклинание. А царица пауков отвечала ему громким шипением, цокая по полу тонкими лапками.

В какой-то момент одна из её жутких ног показалась наружу. Членистая чёрная конечность, покрытая синими волосками, выметнулась из-за полога, заскрежетала по доскам пола, оставив царапину, и скрылась с глаз. Старуха попыталась завизжать, но предусмотрительный дед заткнул ей рот обеими руками. Что касается больного, то он просто обмочился от великого ужаса, когда нога страшной твари показалась всего в нескольких шагах от него.

Ещё минуту шаман читал заклинания, потом засвистел ветер, по хижине пронёсся сквозняк, опять запахло чем-то резким, и всё закончилось.

Шкуры отошли в сторону, и шаман вместе со своим несурным громоздким слугой показался в комнате.

– Договорился я с ней. Но с каждым разом всё труднее мне уговаривать эту великую чёрную вдовицу. Заберёт она меня когда-нибудь из-за ваших грехов и хворей, – устало вещал шаман, подходя к парню. – Одевайся!

Пока больной натягивал на себя давно не стиранные вещи, пропитанные грязью и потом, шаман только смотрел на него и брезгливо морщился. Не бил в бубен и не прыгал по комнате. Теперь это уже было не нужно.

– Прямо сейчас ты проглотишь одно яйцо! – велел он парню.

Шаман вытянул руку, и все увидели на светлой ладони ослепительно белое продолговатое яичко паучьей царицы.

– Воду! – приказал шаман слуге.

Тот подал небольшой глиняный стаканчик.

– Пей!

Чтобы не прикоснуться к руке больного, шаман торжественно вручил яичко своему слуге, а уж тот всучил его парню. Дрожащей рукой больной взял паучье яйцо так осторожно, как будто опасался, что из него выскочит страшная обрзина и откусит ему руку. Потом он положил его в рот и запил предложенной водой, которая имела странный вкус. Точнее,

она вообще не имела никакого вкуса, ни речного, ни болотистого, присущего воде в деревне.

– Теперь быстрее покинь моё жилище! – велел шаман. – Скоро мерзкие твари полезут из тебя, какие-то мёртвые, а какие-то ещё и живые. Нужно чтобы рядом не было людей, чтобы не переползли они в другое невинное тело! Быстро! В лес! Пусть там они покинут тебя! В лес!

Тут больной опомнился и вихрем выбежал из дома, оставив входную дверь незакрытой.

– Меня слушай, – обратился шаман к деду. – Ты вроде поумнее своей курицы будешь. Так что вот тебе ещё одно яйцо паучихи. Держи и спрячь, чтобы никто из людей не знал о нём!

Дед с трепетом схватил небольшой бумажный свёрток, в котором проглядывалось второе яйцо.

– Одного яйца мало, – пояснил шаман, глядя на своё левое запястье. – От него выйдут только черви, что уже родились. Но есть в нём ещё яйца. Из них ещё могут появиться твари. Вот через пол-луны и выпьет он второе яйцо. И тогда все черви уйдут из него. Следи, чтобы это было подальше от людей, пусть в лес далеко-далеко зайдёт, прежде чем глотать яйцо. Понял?

Старик молча кивнул, внимательно рассматривая необычно светлую руку шамана.

– Уток принесёшь, как договорились. Ну а коли не принесёшь...

Тут голос шамана стал угрожающим и низким.

– Я тогда свой сегодняшний грех вам всем троим и верну.

Сдохните как собаки, быстро и в муках. Ясно?

Старики снова дружно закивали.

– И никому яйцо это не показывать! – велел шаман напоследок. – Никому не давать. Только для вашего внука оно, любого другого человека убьёт на месте, как топором по голове. Всё. Идите!

С облегчением дед и старуха тут же покинули колдовскую хижину и быстро зашагали вниз по склону, по направлению к густому смешанному лесу, который отделял землю шамана от деревни. Сам колдун постоял немного в двери, провожая их взглядом.

Свежий ветер охлаждал лицо, шевелил светлые волосы, выбившиеся из-под шкуры волка, и очищал лёгкие. Колдовские голубые глаза проследили за исчезновением посетителей за холмом и устало закрылись на пару секунд.

– И вовсе не обязательно было устраивать ради этих деревенских дурачков такой обстоятельный и сложный спектакль! – крикнул из глубины хижины верный слуга и помощник.

– Я застоялся за зиму, – пробормотал шаман, глядя на густые белые облака, цепляющиеся за вершушки гор, окружающих долину. – Захотелось размяться, потренироваться. Скоро же лечебный сезон, все они поползут на мою гору за помощью и спасением.

Ещё пару минут он просто сидел на добротном сделанном крыльце, наслаждаясь свежим весенним ветром и щебетом ранних птиц, вернувшихся с юга, когда из леса показался всадник в тёмной одежде.

– А вот и верная псина наместника к нам пожаловала, – сказал шаман презрительно и тут же приосанился. Потом он решил встать, чтобы встретить нежеланного гостя как полагается. Тут же из хижины показался колдовской слуга, который стал шевелить страшными нечеловеческими глазами, изучая пришельца и окрестности.

– Он один. Оружие обычное: лук, стрелы, два боевых кинжала, – доложил слуга.

– Ну давай встретим его как полагается.

Расправив плечи и расставив для внушительности ноги, шаман стоял у крыльца и смотрел, как всадник приближается к дому, то и дело совершая защитные жесты вокруг груди. Шаман еле заметно усмехнулся и вздохнул.

– Чего припёрся? – грубо спросил он у воина, когда тот спешил и нерешительно остановился в нескольких шагах от крыльца.

– Поганый колдун, чтоб ты сдох! – закричал мужик в напускной злобе, за которой он на самом деле старался скрыть свой страх. – У меня послание от славного барона Пускье, наместника великого короля Оррапа Третьего!

– Ну давай, – угрожающим тоном приказал шаман, прищурив глаза и незаметно проверяя нож в подмышке.

Но всадник продолжал нерешительно топтаться в отдалении, поглядывая со страхом на колдовского слугу, который грозно нависал над шаманом. Ему приходилось видеть это страшное чудовище в действии, когда под ударами сильных твёрдых рук люди гибли десятками за считанные секунды.

– Обосрался от страха, пёс? – издевательски рассмеялся шаман.

Этого всадник выдержать не смог, поэтому поспешно выхватил из натальной сумки небольшой свиток и швырнул его колдуну под ноги.

– Чтоб ты сдох! – закричал он в бессильной ярости.

– Да нет, это ты скоро сдохнешь, – внезапно прогудел слуга колдуна, и гость ощутимо побледнел и сжался.

– Правда, что ли? – обернулся к нему шаман.

Несколько мгновений они молча смотрели друг на друга, а потом колдун снова обратился к незваному гостю:

– Духи рассказали мне, что у тебя гниёт печень. Мерзкое сырое мясо, которое ты пожираешь, да ещё неуёмное потребление крепкой браги сделали её мягкой и рыхлой. Тебе осталось две луны.

– Ты лжёшь! – воскликнул всадник, испуганно прижимая руку к правому боку. – Твой грязный язык не сможет причинить мне вред! Я защищён от твоего колдовства!

– Иди прочь, пёс! – проорал шаман, которому надоело возиться с глупым идиотом. – Убирайся с моей земли или я заберу твою никчёмную бесполезную жизнь прямо сейчас!

Убирайся! Убирайся!

Он проорал это слово ещё несколько раз, пока всадник поспешно, спотыкаясь и падая, добежал до лошади, вскочил на неё и рванул к лесу, не оглядываясь и бессвязно проговаривая какие-то молитвы.

– Проверь, пожалуйста, – попросил шаман, указывая на свиток.

– Чисто.

– Что, в этот раз даже без яда? – удивился шаман. – Старел что ли наместник. Глядишь, скоро копыта откинёт, тварь нечеловеческая.

Он поднял свиток, развернул и принялся читать вслух, спотыкаясь на неграмотно написанных словах:

– «Благородный и смелый»... ага, смелый, как же, «барон Пускье снова приказывает тебе, мерз... мерзкое порождение чёрной паучей»... паучей, наверно, «бездны, покинуть сию чистую и священную»... Нет, ты видел, «священную»! Дебил необразованный! А всё туда же, барон... Так, значит, «священную землю наших предков». О гонит пургу, да они сами здесь поселились всего сто лет назад, вырезав всех туземцев! Когда она у них священной-то стать успела?! Ладно, дальше... «Иначе ждёт тебя кара суровая»... Не, ну неужели нельзя было в этот раз придумать что-нибудь новенькое!

– Опять порвёт на куски и скормит собакам? – прогудел слуга, удаляясь в дом.

– Ну да. Бедные собаки. Хоть бы проявил какую-то ори-

гинальность. Никакой фантазии! Так, ну и обычные ложные обвинения мне в рыло. Пожѐг, поел, убил, отобрал, забрал силу. Скукота! Он перестаѐт меня веселить, этот недоумок барон. Не люблю, когда творческая личность вдруг останавливается в развитии и заикливается на одном и том же. Ладно, выкинь эту чепуху и убери там мочу после пацана, пожалуйста.

Ещё пару минут шаман снова посидел на крыльце, глядя на облака. Он чувствовал слабость и не хотел ничего делать. Да и какой смысл. Хотя, кому-то стяящему, возможно, нужна его помощь.

– Что у нас сегодня ещё? – спросил он тихо. Напрягаться не было смысла, потому что слуга услышал бы его шѐпот и за километр.

– Беременная гулящая девка из деревни. Из простолюдинов. Дочка торговца.

– Так, с него мы сдерѐм втридорога. Ещё?

– И хвора́я дочка мельника.

– Мельника?! – шаман забеспокоился, вскочил на ноги и поспешил в дом. – С этого надо было начинать! А что с ней?

– Помогала матери стирать на реке, упала с мостков и простудилась. Лежит в жару́ уже несколько дней, и деревенский знахарь-коновал скоро успешно отправит её к их богам.

– Плохо, очень плохо! – воскликнул шаман, снимая надоевшую волчью шкуру и меховые штаны. – Фу, запарился совсем, вся задница вспотела. Мне всегда очень нравился этот

работающий и честный человек. Просто алмаз в этой куче говна. Собирайся, навестим деревню прямо сейчас.

Без колдовской одежды он оказался совсем молодым и гораздо более стройным.

Шаман прошёл за полог, где на вешалках висели в ряд несколько ритуальных и повседневных комплектов колдовской одежды для разных церемоний. Он снял с крючка и надел на серое нательное бельё тёплую длинную рясу из тёмно-синей шерстяной ткани. На голову натянул шапку с острыми голубыми перьями и клювом всё той же несчастной тропической птицы, которую пришлось убить ради эффектного наряда.

– Взял всё необходимое для простудных заболеваний?

– Конечно, – откликнулся слуга, который уже закончил мытьё полов после посетителей и теперь проветривал помещение.

– Когда же они научатся мыться? – риторически спросил шаман, принохиваясь. – Иногда еле сдерживаюсь, чтобы не вырвало. Если бы не ароматическая смола, совсем хана была бы.

– Боги им не разрешают, – прогудел слуга. – Всё готово.

До деревни они шли пешком. Конечно, можно было бы добраться и гораздо быстрее, если бы шаман сел на спину верного слуги, но сейчас ему хотелось пройтись по весеннему лесу и почувствовать своё тело заново после долгой тяжёлой болезни.

На деревьях набухали первые почки, всюду журчали ручьи, трава пёрла со всей силы. Оголодавшие белки рыскали по соснам, иногда между деревьями показывались пугливые пятнистые олени, а возле реки шаман даже встретил лосиху с детёнышем. Вид пробуждающейся природы дарил ему хорошее настроение и наполнял новой надеждой, что главное желание рано или поздно обязательно сбудется.

Слуга просто шагал рядом, безучастно глядя по сторонам. Чувств он не испытывал и природой любоваться не был способен, но его присутствие рядом с шаманом гарантировало безопасность, потому что многочисленные чуткие глаза видели весь лес насквозь на многие вёрсты вокруг. Так что можно было не опасаться внезапной стрелы между лопаток или топора в лоб от диких суеверных жителей деревни.

У делянки лесника шаман приосанился, напустил на лицо строгое и надменное выражение. Войти в образ окончательно ему помог выкрашенный в синий цвет посох, который передал слуга. Шаман вздохнул от того, что на несколько ближайших часов ему придётся снова быть не самим собой.

Детвора лесника уныло ковырялась в дровянике, складывая попиленные с осени чурки в сани. Сам лесник поправлял упряжь на лошади, изредка покрикивая на детей. Завидев шамана, они все затихли и стали совершать руками характерные движения вокруг груди, прося богов защитить их от его недоброго колдовства.

– Какое убогое мракобесие, – вздохнул он еле слышно. –

Как можно жить так глубоко в суевериях.

– Однако именно их суеверность и защищает тебя от расправы.

– От расправы меня защищаешь ты, – справедливо возразил шаман, глядя строгими глазами на детей.

– Мойте руки перед едой! – крикнул он им. – И не жрите сырого мяса!

– Святотатство! – ответил лесник, посылая правой рукой проклятие в сторону своего опасного соседа.

– Всё бесполезно. Это же их культура, – хмыкнул слуга.

– А то я не знаю, – чуть сварливо пробубнил шаман, выходя на грунтовую дорожку, протоптанную между деревьями лесником и его семьёй. – Припомни, когда мы сюда явились, тут каждый был с глистами. Прямо повальная эпидемия паразитов. А теперь-то благодаря мне уже половина чиста.

Оставшийся путь до деревни пролегал между полями, на которых как раз трудились пахари. Унылые лошадки, оголодавшие и исхудавшие после скудного зимнего питания, тащили за собой плуги и поглядывали жалобными глазами в сторону сочной травы, колышущейся на краю поля. Следом за плугом шагали женщины и дети, разбрасывающие зерно.

– Ведь это поле надо было оставить под пар! – воскликнул шаман раздражённо. – Сто раз же объяснял, что силу у земли отбирают не ведьмы, а они сами ежегодными посадками! Тупицы.

– На дереве лучник, – перебил его слуга. – Тридцать два

метра.

– По мою душу? – подобрался и насторожился шаман.

– Нет, смотрит в сторону перевала. Их тут по кромке поля шестнадцать человек.

– Ждут кого-то? – удивился колдун. – Неужели барону из соседней долины опять неймётся. Тогда нам лучше поторопиться. Не хочу попасть в гущу бойни. Пусть это без меня.

В деревню они вошли с сохранением всего положенного антуража. Слуга старался греметь и гудеть как можно громче, а шаман торжественно и злобно стучал металлическим наконечником посоха по камням мостовой и позванивал колокольчиками, которые извлёк из кармана. Детвора разных возрастов сразу высыпала им навстречу. Были они более общительными и открытыми, чем взрослые, поэтому в их глазах шаман читал не злобу и ненависть, а интерес и любознательность.

– Ко мне, юные отроки! – громогласным басом строго призвал шаман, хотя его глаза блестели от радости и удовольствия.

Ребятня знала, что страшный лесной колдун, если с ним вести себя смиренно и послушно, обязательно одарит их необычными вкусными камушками, которые были самой сладкой вещью на свете.

Поэтому дети привычно выстроились в плотную очередь, они терпеливо предвкушали редкое лакомство. К тому же, их интересовали клюв и перья колдовской птицы на шапке

шамана. Да и необычный синий цвет всего облачения тоже повергал их в удивление, потому что одежды, да и вообще предметов быта такого цвета ни у кого в деревне не было. Даже у самого наместника короля.

– Итор, ты чистишь зубы, как я тебе велел? – строго спросил шаман, заставив ребёнка открыть рот. – Соврёшь сейчас – и я заберу тебя в ад.

– Чищу, господин, – покорно ответил мальчик, блестящими глазами поглядывая на холщовый мешочек в страшных лапах слуги колдуна.

– Верю, – убедился шаман и слегка подтолкнул мальчика к слуге, который уже извлёк из мешочка чудесный округлый осколок на палочке, прозрачный как лёд и приятного жёлтого цвета.

Ребёнок схватил лакомство и отбежал в сторону.

Затем шаман осмотрел маленькую девочку, похвалил её чистые волосы, и слуга подарил ей чудесный зелёный прозрачный осколок на палочке.

Таким образом шаман быстро осмотрел детей, обращая особое внимание на зубы, глаза и строение скелета.

– Манúk, я очень недоволен твоими родителями, – строго отчитал он смуглую девочку, худую до безобразия. – Они опять не дают тебе молока и сыра! У тебя плохие кости! Передай отцу, что если он не начнёт давать тебе сыр, то я приду и поговорю с ним лично. И тогда ему не поздоровится. Для начала я лишу его зрения на две луны. А потом отдам

паучьей царице. Запомнила?

Девочка испуганно кивнула. Тут шаман не удержался и положил руку ей на голову. Ласково и нежно он провёл ладонью по гладким волосам.

– Иди, – легонько подтолкнул он её к мешочку с сокровищами. – И будь здорова. Лучезарная солнечная Ладьяна дарит счастье только тем девочкам, которые сами хранят своё здоровье.

– Все? – требовательно спросил он у слуги, внимательно оглядывая окрестные улицы в поисках неосмотренного ребёнка. – А где же Чугенёк?

– А он помер зимой! – с готовностью ответил один из мальчиков. – Лихорадка забрала.

Шаман вздрогнул и сильно напрягся, чтобы не показать своё расстройство. Запахнув полы рясы, он сделал знак слуге и быстро зашагал к центру деревни, заставив себя не оглядываться на радостно галдящих детей, смакующих прозрачные камушки на деревянных палочках.

– Скоро надо будет обязательно пополнить запасы сахара. Уже заканчивается, скоро детей угощать нечем будет. Пошлю тебя за сахарным тростником, пару дней уж пересажу один. Туда они до меня точно не доберутся...

– Удачно ты придумал положить в конфеты аскорбиновую кислоту, – отметил слуга, активно работающий всеми глазами, чтобы исключить нападение на шамана с крыши или из угла какой-нибудь лачуги.

– После долгой зимы им это здорово поможет... Хоть немного... Плодов и овощей им точно никто не давал. Зубы у многих в плачевном состоянии, у двоих отметил цингу. Потом напишу письмо наместнику, потребую подкормить детей.

– Ты с ними так внимателен и заботлив, – отметил слуга, ногой отшвыривая с дороги крупный камень, чтобы тот не попался под ноги шаману.

– Потому что в них сокрыто светлое будущее этой убогой общины, застрявшей в чёрном средневековье и мракобесии. У них отличный потенциал. А ещё каждый из них напоминает мне о ней.

– Не начинай, – сухо приказал слуга. – Ты знаешь, что тебе нельзя думать и говорить о дочери.

Шаману не пришлось ничего отвечать, потому что они как раз подошли к дому, в котором проживал торговец. Богатый по местным меркам дом был обнесён высоким каменным забором.

– Аруб, открывай! – очень громко прокричал слуга на всю улицу, ударяя ногой по двери. – Великий кудесник по твою дочь явился!

Через несколько мгновений распахнулось маленькое смотровое окошко, чей-то испуганный глаз посмотрел на гостей, загрохотали многочисленные засовы, и тяжёлая дверь распахнулась. На пороге стояла бледная как смерть служанка.

Не говоря ни слова шаман шагнул вперед, глупая девица в ужасе отпрянула в сторону, чтобы ненароком не прикоснуться к его проклятым одеждам или посоху, иначе у неё, несомненно, должны были отсохнуть руки и ноги.

Верный слуга следовал за ним по пятам. Именно этот момент являлся самым опасным, потому что шаман был незащищён от нападения спереди, если бы кому-то из его многочисленных недругов пришло в голову расквитаться с ним именно сейчас. Но ради щедрого гонорара иногда приходилось идти на такой риск. Именно поэтому шаман очень редко посещал больных на дому, предпочитая принимать их в своей защищённой и подготовленной избе.

– Где девица на сносях? – грубо вопрошал шаман у домашних, высыпавших ему навстречу. Эту грубость, граничащую с ненавистью, ему даже не надо было изображать, потому что он терпеть не мог эту подлую семейку зажиточных торговцев, которые помогали королевскому наместнику обкрадывать и обездоливать людей в деревне.

– Тут, великий государь, – залебезил глава семейства, толстый уродливый купец, вытирающий об одежду жирные пальцы.

– Жрал, что ли? – неприязненно поинтересовался шаман, задерживаясь на месте на несколько секунд, чтобы слуга проверил весь дом и особенно подвал на предмет возможной засады.

– Вот откушали немного, – расплылся в фальшивой улыб-

ке купец. – Ежели и ты желаешь...

– Не нужна мне ваша грязная еда, – отрезал шаман и по сигналу слуги направился в комнату, где лежала беременная.

Дородная некрасивая девчонка лет пятнадцати лежала на грязных простынях, прикрытая плотным тяжёлым одеялом. В комнате было темно и пыльно. Воняло пóтом и чем-то кислым.

Слуга колдуна грубо закрыл дверь перед самым носом хозяина дома, оставив всю остальную семью по ту сторону. Беременная бросила на него испуганный взгляд.

– Чего разлеглась? – поинтересовался шаман у неё, первым делом сдирая с окна грязные пыльные куски ткани. – Тебе ходить надо, работу по дому посильную выполнять. От лежания на кровати ребёнок только слабее и тупее родится.

– Матушка велела, – роженица потупила глаза в ложной скромности.

– Дура твоя матушка, – грубо отрезал шаман, поспешно открывая окно, чтобы впустить внутрь свежий воздух. – От кого дитя?

– Вот уж не ведаю, господин, – прощebetала девица, глядя исподлобья. – Ветром принесло.

– Ври больше, – прыснул со смеху шаман. – Пятеро их у тебя было. И нечего меня тут сказками кормить, всё знаю. Двое были заезжие военные на службе короля. У наместника с ними кувыркалась, блудница бесстыжая.

Девчонка попыталась что-то возразить, но громкий труб-

ный звук страшного слуги заставил её заткнуться и застыть без движения в кровати.

– Всё про тебя знаю, – продолжил шаман, с отвращением глядя на грязную посуду, стоящую на полу. – Третий – это Марум, сын конюшего. Четвёртый – друг отца твоего, купец из соседней деревни, который торговать приезжал.

У девчонки распахнулись глаза от удивления и страха, что о таком может узнать отец.

– Вот-вот, – усмехнулся шаман, для порядка тряся колокольчиками и притопывая на месте простую часть ритуального танца. Слуга вторил ему низким гудением. Перед девчонкой спектакль можно было особо не играть, но блокировать уши подслушивающих это помогало замечательно.

Он подошёл к беременной, нагнулся, приблизил губы к её уху и проговорил низким злым голосом:

– Я твою гнилую распутную душу вижу насквозь. Тебя уже и так ожидает в своих чертогах паучья царица за твои преступления. Но искупить свой грех можешь и получить лучик надежды от лучезарной Ладяны, если дитя своё вырастишь и воспитаешь в правильном виде.

– Клянусь, великий господин, – на глазах девчонки заблестели искренние слёзы. Поняв, что колдун владеет сведениями обо всех её секретах, она сбросила защитную маску и теперь осталась перед ним в переносном смысле нагая, трепеща перед неизбежным страшным исходом её жизни.

– Я и пятого знаю. Это сам наместник, – прошептал ле-

карь. – Думала, что он тебя благами одарит? Жизнь тебе счастливую даст? Ты для него просто игрушка. Просто одна из дур, которые под него ложатся в напрасной надежде обрести счастье с богатством и властью над соплеменниками.

Девчонка зарыдала в полный голос. Шаману не нравилось, что он доводит её до такого состояния. Но ему нужно было закончить психологическую воспитательную атаку. Поэтому он продолжал жарко нащёптывать в ухо.

– Не бывать тебе с ним никогда. И думать не смей лезть к этому чудовищу, только жизнь свою окончательно поломаешь. А сейчас ложись на спину и раздвигай ноги. Слуга мой определит точно, всё ли хорошо у ребёнка, кто отец, и какого пола будет ребёнок, а также к каким ремёслам его кровь будет предрасположена. Ты же хочешь знать?

Девчонка молча кивнула головой и исполнила приказ, задрав полы ночнушки и подняв колени. Пока помощник совершал все необходимые манипуляции, шаман, собрав руки за спиной, задумчиво вышагивал по комнате, брезгливо осматривая пыльную примитивную мебель и пятна плесени на стенах.

Потом пару минут он стоял у открытого окна и разглядывал унылый внутренний двор торговца, прислушиваясь к звукам с улицы. Слов было не разобрать, но за забором собрались несколько человек, привлечённые его прибытием.

– Их слова опасны для меня? – прошептал он на пределе слышимости человека.

– Нет, – ответил слуга, заканчивая свои действия с роженицей.

– Так, давай посмотрим, – шаман прищурился, глядя на таинственные письмена, проступившие огненными знаками на груди слуги. – Тебе повезло, отец твоего ребёнка сын конюха. Неплохой парень, мало болезней, работающий... Ребёнок будет здоровый и красивый. Девочка у тебя будет... О!

Шаман вскрикнул от удивления и застыл. Девчонка тоже испуганно замерла.

– Вижу в её будущем чудесные вещи, которые она будет творить. Будет у неё дар от самой Ладяны. Будет ей подвластно видеть мир во всей красоте и переносить эту красоту в дело рук своих. И будет это велико радовать других людей и дарить им счастье от созерцания этих чудес рукотворных. Когда ей год исполнится, придёшь ко мне с батюшкой твоим, и я расскажу, что надо прикупить у заезжих и городских торговцев, чтобы твоя дочь стала великой и исправила чёрную печать зла, которую на себе несёт вся ваша семейка грязная.

Шаман знаком приказал беременной одеться. Слуга открыл дверь, и в комнату ввалились домочадцы. Они было принялись галдеть на все голоса, мать начала причитать по поводу сорванных «чудесных» занавесей, но шаман грозно стукнул по полу посохом, и все тут же замолчали.

– Грязные рты свои не открывать, пока я говорю, – приказал он, с неудовольствием и раздражением оглядывая оплывшие нездоровые фигуры членов семьи.

– Запрещаю ей поедать сырое мясо и рыбу, как это у вас заведено. Только варить и жарить на чистом жиру из растений. Руки всегда мыть перед едой. Одежду стирать почаще. И бельё постельное не реже раза в месяц! Девочка у вас будет светлая и чистая. Чтобы чистоту её сохранить, надо давать роженице много плодов древесных и овощей с грядок. Дал я девочке здоровье и красоту. Но чтобы не загубить дитя, есть у меня ещё наказ. Перед окном камень в земле разломать, мёртвую землю выкинуть, нанести чистой из леса и посадить яблонь и цветов разных, чтобы дитя любовалось ими, а не камнями мёртвыми. В покоях этих покрыть потолок и стены извёсткой, чтобы чёрная плесень не жила и не убивала мать и дитя. А ты отец...

Он резко упёрся пальцем в грудь торговца, постаравшись сделать это максимально больно.

– Объявишь во всеуслышание, что я подтвердил божественность этой девочки. Нет у неё отца и не было никогда. Поэтому растить чудесное дитя надо в чистоте и доброте. И не забивать ей голову всякой ерундой церковной, а научить читать и считать, чтобы науки познавала и весь род ваш гнилой прославляла на всю державу. Только так вы искупите свои грехи грязные и преступления. Пошли со мной. А всем здесь оставаться. Ежели кто попытается подслушать наш разговор секретный, то лишу слуха на всю жизнь!

Втроём они вышли из комнаты и прошли к входной двери. Служанка по сигналу хозяина умчалась прочь.

– Слушают? – спросил шаман через плечо, неотрывно глядя в наглые жёсткие глаза торговца.

– Нет, – ответил слуга.

– Тогда ты меня слушай, папаша, – высокомерно принялся вещать шаман, стараясь вложить в свои слова как можно больше презрения. – Мы-то с тобой не дураки и знаем, что дочурка твоя гулящая и распутная девка была и есть. Ложилась под всякого, кто только желал поиметь молодое неиспорченное тело. Я об этом буду молчать, чтобы огромный позор не покрыл тебя и твою семью. Но ты мне за это молчание хорошо заплатишь. Сто золотых. Сто! Сам мне завтра в хижину принесёшь, без посыльных.

– Принесу, – пробормотал торговец бледными губами.

– Нарушишь своё слово – и весь мир узнает о твоём позоре. Ещё и покараю тебя. Отнимутся руки и ноги, в голове вместо мозгов будет кисель и будешь ходить под себя, пока домочадцы тебя не умертвят насильно, чтобы только быстрее избавиться от забот с тобой связанных и наложить руку на твои богатства припрятанные.

Шаман оставил толстого противного мужика стоять посреди комнаты, а сам подошёл к двери и взялся за ручку.

– Паучья царица давно планы на тебя имеет, Колóд. Последний шанс дали вам боги. Послали через грех твоей дочери великую светлую чудесницу, которая даром своим будет освещать черноту вашего народа, погрязшего во мраке невежества и дикости. Сделаешь всё как надо – и будет тебе

прощение, а роду вашему светлое великое будущее.

После этого шаман распахнул дверь и позволил слуге выскользнуть наружу. Тот бдительно осмотрел окрестности, чтобы исключить вероятность покушения, и только тогда подал сигнал. Колдун вышел на улицу и грозно осмотрел небольшую толпу, собравшуюся неподалёку.

Ни с кем не заговаривая и сопровождаемый испуганными взглядами сельчан, шаман направился к реке, к дому мельника. Он чувствовал себя уставшим, ему хотелось быстрее вернуться домой, но этот визит нужно было совершить обязательно.

В дверь этого бедного дома он постучался вежливо и негромко. Открыла бледная заплаканная жена мельника. Увидев особого гостя, она испуганно прикрыла рот рукой и отошла назад.

– По твою дочь пришёл я, Варида, – спокойно сказал он.

– Всё чисто, – сообщил помощник.

Только после этого шаман вошёл в дом.

– К дочери веди, – велел он хозяйке. – Муж где?

– Колесо чинит на реке, – робко ответила несчастная женщина, ведя его вглубь дома.

– Пошли за ним кого-нибудь из детей, пусть ко мне немедленно явится, – велел шаман, с удовольствием оглядывая чистые стены жилища и ощущая свежий запах еды и каких-то горных трав, висящих под потолком.

Десятилетняя девочка лежала в постели, накрытая по са-

мую голову несколькими одеялами. Цвет её лица очень не понравился шаману. Он быстро подошёл к кровати и ощупал лоб. Девочка пылала жаром. Дышала она сипло и натужно.

– Быстро! – приказал шаман слуге, откидывая одеяла и с тревогой поглядывая на синеющее лицо больной.

Пока слуга чуткими руками ощупывал тело девочки, шаман нетерпеливо покусывал губы и ходил из угла в угол, раздумывая, как стоит поступить исходя из того диагноза, который предварительно уже поставил.

В этот момент распахнулась дверь, и в комнату шумно ввалился мельник. Крупный суровый мужчина с огромной плотной бородой бросился навстречу шаману. Они крепко обнялись.

– Почему сразу мне не сообщил? – строго отчитал его шаман, глядя в ввалившиеся от горя глаза мельника.

– Поначалу думали, что поболует немного и поправится. Но вот вчера совсем плоха стала.

– И ты только сегодня мне сообщил?! – негодуяше воскликнул шаман, сбрасывая на край кровати шапку и тяжёлый плащ. – Ты затянул! Понимаешь?! Я не всемогущ! Бывает, что и я не могу ничего поделать! И гораздо чаще бывает, чем мне хотелось бы!

– Не хотел тебя беспокоить, – пробормотал виновато мельник, потупив глаза. – Ты же сам только недавно из мёртвых вернулся.

– Да, тряхнуло меня неслабо, – согласился шаман. – Чуть

копыта не отбросил. Но ты всё равно должен был сообщить.
– Неудобно было.

– Ты совестливый и честный дурак, Варод, – с искренней теплотой в голосе пожурил его шаман. – Ты мой единственный друг в этом жутком месте, откуда я мечтаю всей душой когда-нибудь вырваться. Не смей больше никогда стесняться и считать, что твоё здоровье или здоровье твоих близких – это неудобно.

Тут хозяин не выдержал и разрыдался. В этом искреннем плаче шаман уловил то огромное горе, которое пришло в семью с болезнью любимого ребёнка. Тогда лекарь снова обнял хозяина.

– Уйми свои чистые слёзы, Варод. Не годится тебе отчаиваться. Сейчас посмотрит слуга мой, и узнаем, что за болезнь, и как с ней бороться.

– Я готов, – сообщил помощник, отходя от кровати.

– Уходи, – мягко велел шаман другу. – Не входите никто, пока не позову.

Когда безутешный отец покинул комнату, шаман быстро просмотрел данные анализаторов.

– Как я и думал, бактериальная пневмония. И куча всего остального, – мрачно пробормотал он, изучая показания крови и снимок лёгких. – И сильно запущенная. Но мы ещё поборемся!

– Обязательно, – добродушно прогудел в ответ верный помощник, включая режим дезинфекции воздуха в помеще-

нии.

Шаман сразу сделал девочке три укола антибиотика. Потом ещё вколол комплексный противовирусный препарат. После этого несколько часов они просто сидели у тела ребёнка, в котором происходила незримая титаническая борьба с инфекцией. Когда свет на улице померк, слуга включил лампу на своём животе. Шаман прислушивался к журчанию воды и шуму работающего мельничного колеса. Он просто ждал и надеялся на благополучный исход. И хотел, чтобы в этом случае его помощь оказалась самой настоящей, самой действенной. Даже если бы у него была настоящая магия, он и её всю без остатка пустил бы на излечение этого ребёнка, лишь бы сделать семью друга счастливой.

Поздней ночью помощник в очередной раз измерил температуру и снова сделал анализы.

– Излечение есть.

Шаман встрепнулся и бросился изучать данные анализаторов.

– Отлично, просто чудесно! Налицо положительная динамика. И это за такое короткое время. Она будет жить!

Он радостно запрыгал по комнате, ощущая удовольствие от проделанной работы и достигнутого результата.

Родители девочки всё время дежурили под дверью, так что стоило только позвать, и они тихо вошли в комнату, бросая любящие взгляды на дочь.

– До полного излечения ещё далеко, – сообщил шаман,

надевая плащ и шапку с клювом. – Но страшное уже позади. Мы отогнали от неё смерть. Теперь вам надо строго слушать меня и делать что говорю.

Супруги закивали, чутко вслушиваясь в его слова.

– Сутки не кормить, но давать много тёплого питья. Много тёплого питья. Тело должно выгонять грязь от болезни. Потом давать только лёгкую еду, лучше бульоны из птицы, но жира поменьше. Я оставлю лекарства. Это колдовские, секретные лекарства. К ним нельзя никого допускать. И никому нельзя о них рассказывать! Каждое утро и каждый вечер ей надо будет давать по одному яйцу великой чёрной паучихи. Не пропускать! Не забывать! Строго каждое утро и каждый вечер! И уже через неделю она будет здорова.

Мельник молча снова обнял друга. Впрочем, шаману и не нужны были особые слова, настоящую глубокую благодарность он видел в глазах. По его сигналу слуга высыпал в дрожащую ладонь мельника несколько таблеток.

– Да. И если вас спросят, вы должны говорить, что заплатили мне целый золотой, который копили на нового осла, – предупредил он супругов. – Никому никогда ни слова, что я с вас ничего не взял. Сами понимаете, мне надо что-то есть и по хозяйству приобретать. И потом отбоя не будет от наглых желающих полечиться на дармовщину... И мои силы тоже не безграничны... И запасы...

Тут шаман быстро развернулся и не прощаясь вышел из комнаты, прошагал по тёмному дому и вышел на улицу, где

с наслаждением вдохнул свежий холодный воздух.

– Темно и очень опасно, – предупредил помощник, гася фонарь на животе. – Пешком передвигаться нецелесообразно.

– Согласен, – ответил лекарь, чутким взглядом обшаривая окрестные дома. – Могут напасть. Давай на тебе. Всё равно нас никто не увидит.

Он залез на спину помощника, поместил ноги в образовавшиеся углубления и сел на специальный вырост, схватился за ручки в плечах и кашлянул, подавая сигнал начала движения. В кромешной темноте, поглотившей деревню, они помчались по улицам.

Впрочем, зрение помощника в свете не нуждалось. Он видел на много вёрст вперёд, чётко определяя все препятствия, так что шаману оставалось только положиться на своего верного товарища. В дороге лекарь даже немного задремал, пока они пересекали густой лес и поднимались по склону крутой горы, на которой и стояла его избушка.

Возле дома помощник аккуратно спустил его на землю. Ёжась на резком холодном ветру, дующем из ущелья, шаман всматривался в тёмное прозрачное небо, усеянное мириадами ярких звёзд, и терпеливо ждал, пока помощник отключит охранную систему жилища.

Они вошли в декоративную избушку, построенную лишь для приёма посетителей, в ней даже не было жилого помещения. За пологом из шкур, где шаман обычно имитиро-

вал колдовские ритуалы, они открыли в полу металлический люк и по очереди спустились в нутро небольшого грузового космического корабля, потерпевшего крушение семь лет назад.

Сняв плащ и рясу, молодой шаман аккуратно сложил их на сиденье капитанского кресла и прошёл к неработающей анабиозной камере. Прежде чем лечь на её мягкое силиконовое дно, он окинул взглядом коробки с лекарствами и медицинским оборудованием, которые должен был доставить на дальнюю колонию.

– Роберт, – позвал он еле слышно, не отрывая тоскливого взгляда от фотографии маленькой беловолосой девочки.

– Да, Ваня, – отозвался из глубины корабля товарищ.

– Аварийный маяк работает?

– Да, Ваня. Работает каждую секунду.

– Как думаешь, когда-нибудь они прилетят за нами?

– Обязательно, Ваня. Я уверен, что они ищут нас без устали. Поисковые роботы отправлены во всех направлениях. Рано или поздно они найдут нас и спасут.

– Главное, чтобы не слишком поздно, – прошептал лекарь. – Когда-нибудь наш груз истощится – наши лекарства закончатся. И я больше не смогу лечить людей. Они перестанут в меня верить. И перестанут бояться. Когда-нибудь очередное покушение заместника короля окажется успешным. Они проломают мне голову и сожгут на костре. А тебя, отличного медицинского робота-диагноста разберут на винтики,

которыми будут успешно торговать как редкими колдовскими артефактами.

Робот ничего не ответил, а человек продолжил:

– Почему люди так устроены, что их гораздо легче заставить себя бояться или ненавидеть, чтобы управлять ими?

– Не знаю, Ваня, – тихо ответил робот.

– Лучше бы они всё-таки прилетели за мной пораньше. Знаешь, почему?

– Почему, Ваня?

– Потому что если они прилетят слишком поздно, то им некого будет забирать. Наступит момент, когда я настолько войду в свою роль, что моя напускная ненависть к этим несчастным тёмным аборигенам превратится в настоящую. И тогда я перестану быть самим собой... Тогда не останется человека... Останется только шаман.

Мясо

Инспектор был недоволен. Это читалось и в брезгливом выражении лица, и в нервном подёргивании конечностей, и в высокомерной манере речи. Ему решительно не нравились результаты проверки. Начальник станции же делал вид, что совершенно не понимает, из-за чего весь сыр-бор.

Подумаешь, ну ест он местных животных. Что в этом странного и плохого!? Все животные существуют для того, чтобы их кто-то ел. Кто сильнее, тот и ест. Непреложный закон природы. И позицию Инспектора и всего правления Космической Корпорации начальник станции считал лицемерием и трусливым уходом от реальности. Даже отказом от признания собственной хищнической сущности. Были бы они здесь, в сотнях световых лет от своей планеты, если бы их предки питались травой, а не мясом животных? Нет, конечно! Так бы и ковырялись в своих грязных пещерах. Свою мысль он решил перенести в разговор:

– Вот скажите мне, уважаемый Хор, разве смогла бы наша цивилизация охватить своим великодушным вниманием и нежной властью добрую половину Галактики, если бы с самого начала мы жевали одну только зелень? – видя, что инспектор не собирается отвечать на этот вопрос, он всё же продолжил гнуть свою линию. – А я вам отвечу, что нет! Не смогла бы! Ни одно растение не даст такого объёма полезных

и питательных веществ как свежее, нежное мясо только что убитого животного!

– А никто и не говорит, что есть мясо плохо, – кисло процедил Инспектор Хор, хлопая глазами. – Проблема состоит в том, что вы, вопреки пятнадцатому параграфу Устава Смотрящей станции, едите местные формы жизни. А это строго запрещено. И не столько из соображений вашей собственной безопасности (хоть подышайте, на смену сразу пришлют нового начальника станции), сколько из уважения к формам жизни, обитающим на этой планете. Космическую этику ещё никто не отменял. Это неэтично и отвратительно.

– Вам в ваших кабинетах легко и просто об этом говорить, – с раздражением бросил собеседник, впиваясь отличными белыми зубами в какую-то варёную зелёную массу. – А мы здесь на местах страдаем от отсутствия хорошего мяса!

– Но ведь вам регулярно высылают необходимые запасы замороженного мяса с нашей планеты!

– Но так его же есть *невозможно!* – заревел начальник станции, выходя из себя.

Терпение его было уже на исходе, хотелось просто загрызть Инспектора и выкинуть его сухопарое тельце за двери станции на растерзание местным хищникам. Он с отвращением швырнул на стол ком зелёной гадости, который им подали на обед в честь Инспектора, и нажал на кнопку вызова кухни на подлокотнике своего кресла:

– Хес, несите нам мясо!

В полной тишине красиво оформленного обеденного зала они дожидались повара с мясом, кидая друг на друга раздраженные злые взгляды и раздумывая, какие ещё доводы можно было бы привести в пользу своей точки зрения.

Повар в зелёной униформе величаво вплыл в комнату, неся на вытянутых руках позолоченное блюдо, на котором исходило паром мясо, порезанное крупными кусками.

– Это что, тоже местный абориген?! – взвился Инспектор. – Вы совсем с ума сошли, подавать мне такое! Да я вас всех в тюрьму упеку!

– Да нет, ну что вы, достопочтенный господин Инспектор, – медовым голосом пропел Начальник станции. – Мы решили угостить вас как раз тем великолепным вкуснейшим мясом, которое нам доставляют с родины в качестве продуктового снабжения.

Хор, однако, почуял в его голосе какой-то подвох и поэтому с огромным подозрением и пристальным вниманием следил за тем, как повар ставит блюдо на стол. Длинным острым столовым прибором гость разворошил мясо, но ничего подозрительного не обнаружил. Что ж, мясо вполне обычное, да и по цвету не похоже на местное.

Он наколот кусок и отправил его в рот. Пожевал, потом ещё раз пожевал и вдруг с удивлением пришёл к заключению, что не чувствует никакого вкуса и запаха. Как будто он ел какую-то непонятную волокнистую массу, которую, к тому же, невозможно было толком разжевать. Начальник стан-

ции, видимо, прекрасно понимая, что сейчас творится во рту и в голове Инспектора, смотрел на него триумфально, воздерживаясь, тем не менее, от комментариев. Только его довольное выражение лица заставило Инспектора потратить на мясо ещё минуту, прежде чем он со вздохом (и с облегчением) выплюнул кусок на салфетку. Стараясь не встречаться глазами с Начальником станции, Хор заговорил:

– Да, мясо отвратительное, есть его невозможно. И не в моих силах помочь вам. Но вы и меня должны понять! Кто-то из ваших сотрудников анонимно сообщил в центральный комитет Космической Корпорации, что вы грубо нарушаете устав Смотрящей станции. Вопреки политике невмешательства и отстранённого наблюдения, вы покидаете станцию, контактируете с местными жителями, убиваете их! И в довершение ко всему вы их ещё и едите! А ведь они разумны! И многочисленные тесты это подтвердили! Это непреложный научный факт! Они разумны! А то, что они пока значительно глупее нас, не означает, что вы имеете право их есть! Их цивилизация только зарождается, они ещё пока не покинули пределов своей планеты, их наука и искусство на очень примитивном уровне. Но они же разумны! Их нельзя есть! Поедая их, вы опускаетесь тоже до уровня дикаря, неразумного и несдержанного!

Инспектор поднял глаза и посмотрел в упор на Начальника станции, испытывая одновременно угрызения совести и раздражение:

– Поймите, Летер, я не могу закрыть на это глаза и оставить ваше преступление безнаказанным. Я буду вынужден сообщить в комитет по Этике Космической Корпорации. Я ещё мог бы прикрыть дело, если бы вы их просто убивали. Всегда можно списать это на самооборону или на научные нужды. Но поедание... Нет, извините.

Он упрямо сжал челюсть и продолжал смотреть на лицо Начальника, на котором выражение досады сменялось решительностью. Тот встал и отошёл к бару, уставленному разнообразными сосудами с напитками.

– Я понимаю, что сделать тут уже ничего нельзя. И ваше решение не переменить. И я не виню вас в том, что вы стремитесь к соблюдению закона. На безусловном соблюдении закона стоит наша гегемония в галактике. Я сам виноват, – он повертел в руках бутылку с какой-то зелёной жидкостью, а потом осушил её залпом прямо из горла. – На самом деле, я уже собрал вещи и готов отбыть хоть сегодня. Но сначала я хочу заявить, что мне не стыдно за то, что я ел мясо местных жителей. В нашей Вселенной полно существ, которые с ужасом и отвращением смотрят на наши пищевые привычки. Мясоедение редко встречается. Они полагают, что поедать мясо других существ неправильно и преступно. Что это жестоко. А я горд тем, что такова моя сущность.

Он медленно подошёл к окну и окинул последним спокойным взглядом просторы планеты, которую ему предстояло так позорно покинуть. В поле зрения попала кучка местных

гуманоидов, толпящихся возле стен станции. И тогда ещё одна мысль мелькнула в голове. Он развернулся к Инспектору и воскликнул, моргая всеми десятью глазами:

– Но если бы вы знали, какие же вкусные эти земляне!

Шоковая терапия

«Пожалуйста, убейте меня».

Илья закатил глаза и перестал жевать. Блюдо оказалось невкусное и далёкое от оригинальности, шумные посетители за соседними столиками раздражали, слишком яркий свет бил в глаза, а на вульгарно раскрашенном лице официантки читалось откровенное презрение.

Он почти ощущал ненависть к навязанной еде, которую ему всучила настойчивая реклама, с утра привлекающая внимание к открытию нового ресторана в центре города.

«Как же мне скучно», – тоскливо подумал Илья, швыряя массивный бургер со сладким псевдо-мясом на пластиковую тарелку. Неприятно морщась, он вытер салфеткой руку и рот, скомкал её и бросил в тарелку.

– Ты чего? – тупо пробубнил с набитым ртом Антон.

– Надоело, – ответил Илья, вставая из-за стола.

Приятель лишь безразлично пожал плечами и продолжил активно жевать, уставившись в стол.

Злобно кривясь, Илья протолкался сквозь шумную толпу молодняка, загнанного в ресторан рекомендациями искусственного интеллекта, и с облегчением вывалился на улицу.

Вдохнув мёртвый загазованный воздух огромного горо-

да, он медленно побрёл по шумному оживлённому проспекту. По пути Илья разглядывал пёстрые яркие вывески ресторанов и магазинов. Его пресыщенный взгляд равнодушно скользил по надписям назойливых реклам, обещающих всё самое вкусное и интересное, что только могла предложить столица. Но завлечь его они были не способны – Илья перепробовал всё, что могли приготовить пищевые принтеры заведений общественного питания и продуктовых фабрик.

Ему давно стало бесконечно скучно и тоскливо. В безнадежных попытках встряхнуться и ощутить вкус жизни он перепробовал все виды развлечений и досуга. Но на аттракционах его просто тошнило, в комнатах с заданиями он испытывал откровенную скуку, а на концертах и спектаклях синтетических певцов и артистов еле высиживал до конца, не отрывая взгляда от экрана телефона. Выставки современного искусства оставляли его озадаченным и обманутым, а классическое искусство казалось безнадежно устаревшим и бесконечно скучным.

Вечер проходил бестолково и бессмысленно. Илья злился на себя за то, что так и не нашёл, чем занять длинные пустые часы свободного времени. В итоге он психанул и завернул в знакомый бар, где за умеренную плату подавали почти настоящий алкоголь.

Бармен угрюмо кивнул в ответ на приветствие и поставил на стойку две рюмки, наполненные ярко-голубым пойлом. Даже не присев на высокий стул, Илья опрокинул в себя сра-

зу обе рюмки и зажмурился. На несколько мгновений алкоголь зажёг органы чувств, даря иллюзию жизни. Но потом волна жара отступила, и снова стало серо и уныло.

Илья тяжело взгромоздился на стул и заказал целую бутылку. Солидная трата, конечно. Но, с другой стороны, если так разобраться, а на что ещё ему тратить заработанные на ненавистной работе деньги? Он вяло заполнял отравой рюмку за рюмкой и опрокидывал их в рот. Молекулы синтетического спирта пропитывали кровь и туманили мозг, но веселее Илье не становилось.

«Как же я хочу сдохнуть», – подумал он и, кажется, всхлипнул. Вместо ожидаемого разгульного веселья и безрассудного кутежа алкоголь принёс только отчаяние и обострённое осознание никчёмности и бессмысленности жизни.

Через час бутылка закончилась, Илья заказал ещё одну и четыре пирожка с квази-капустным волокном и перебрался за столик в тёмном углу.

Дальнейшее было как в бреду. Кажется, он ел пирожки и пил. Потом он кинул надкушенным пирожком в кого-то, кто жутко бесил его фальшивым смехом. После короткой драки, которая не принесла ему ни удовлетворения, ни ожидаемого веселья, он вернулся на место и продолжил пить, осыпая других посетителей оскорблениями и придириками. К сожалению, никто больше не решался связываться с ним, а Илье так хотелось, чтобы кто-нибудь избил его до смерти. Изо

всех сил он напрашивался на расправу, но смелых и способных сломать ему хребет в баре не оказалось.

Потом тональность вечера сменилась. В какой-то момент он расщедрился и подарил кому-то свою дорогую тёплую куртку, потому что носил её уже целых четыре недели, и она ему жутко надоела. Он швырнул куртку человеку, затем хотел снять и штаны, но не смог расстегнуть ремень с красивой блестящей пряжкой, имитирующей металл.

Убойная доза алкоголя всё же подарила ему иллюзию веселья. Илья куражился и то и дело смеялся без причины. Тоска наконец-то отступила, отошла за угол, освободив место для лёгкости и радости. Всё вокруг казалось красивым, тёплым и душевным. Жизнь наконец-то приобрела смысл и перестала казаться пустой и ненужной.

На пике благостного настроения к нему за столик подсел какой-то человек. Они о чём-то спорили, беседовали, соглашались друг с другом и чокались, расплёскивая дорогой алкоголь на старую пластиковую столешницу, имитирующую обожжённый дуб. Собеседник что-то увлечённо рассказывал, Илья благодушно внимал и на что-то соглашался.

Дальше он не помнил.

– Почему вы хотите умереть?

– Потому что я никому не нужен.

– И это единственная причина?

– Нет. Ещё моя жизнь бессмысленная и пустая. Я не

знаю, для чего и зачем я живу.

– И вы точно решили покончить жизнь самоубийством?

– Сегодня ночью это и сделаю. Прыгну под машину. Или наконец-то допыюсь до такого состояния, что остановится сердце... Я не хочу жить...

Илье было холодно. Он проснулся от цепкого всепроникающего холода, который пропитал его насквозь, упрямо забирая тепло и жизнь. Неужто он оставил окно открытым? Или кондиционеры сломались?

Он попытался обратиться к программе, управляющей «умным домом», но горло так высохло, что не удалось выдать из себя ни одного звука. Илья собирался попытаться ещё раз, но внезапно замер, потому что в сознание наконец-то пробились посторонние сигналы, которых не должно было быть. Он слышал звуки. Журчала вода. Шумел ветер. Что-то шуршало и поскрипывало. А ещё при этом было невозможно тихо. Безумно тихо. Как будто во всём городе всё перестало шуметь и греметь, и остались только эти странные звуки журчания и шуршания.

А ещё присутствовали запахи. Незнакомые, чужие, холодные запахи упорно лезли в нос, словно хотели убедить его в том, что он находится не дома, а в каком-то незнакомом месте.

Илья с трудом разлепил отёкшие глаза. Некоторое время он пытался сфокусироваться, с недоверием прислушиваясь к странностям собственной спальни. Он упорно не мог при-

помнить, когда умудрился приобрести программу имитации природы. Ведь ему никогда не нравилась природа.

Природа.

Он лежал на боку и смотрел на светлый песок. Чёрный муравей бодро бежал по песчинкам, неся на себе здоровенный кусок какого-то мёртвого насекомого. Можно было даже различить светло-жёлтую лапку. Илья резко сдул муравья, испытывая садистское удовольствие. Вот ведь какая убедительная голограмма, он и не знал, что домашняя визуальная система способна на реализацию такой детализированной фальшивой реальности.

Голова жутко раскалывалась, и Илья хрипло застонал.

– Клавдия, – прохрипел он. – Отключи это дерьмо, сделай потеплее и подай мне воду с таблеткой.

Ему понадобилось несколько секунд, чтобы понять, что домашняя система не отозвалась и не выполнила приказ.

Тогда кряхтя и постанывая от боли во всём теле, Илья с трудом сел. И обомлел. Он замер, боясь пошевелиться и даже перестав дышать.

Вокруг него, куда ни глянь, виднелась одна лишь природа. Он сидел на небольшом круглом пятачке, усыпанном песком – на площадке метра четыре в диаметре. За площадкой стояла стеной высокая желтоватая трава с длинными узкими листьями. Именно они шуршали и шелестели под напором холодного ветра. Недоверчиво и с подозрением Илья глазел на траву, холодея от мысли, что имитация подобного уров-

ня качества должна стоить нескольких зарплат. Неужели он вчера допился до такой степени, что купил её, несмотря на кредит на квартиру и долг за разбитую машину?

– Забавно, – мрачным тоном заметил Илья. – Всё, Клавдия, выключай, я сыт этой хернёй по горло... Ты слышишь меня? Клавдия! Сука механическая, я к тебе обращаюсь! Выключи это дерьмо!

Илья замер в испуге, потому что его истошный крик неожиданно разлетелся в окружающем пространстве. Как будто он находился не в собственной спальне, а где-то... на природе.

Ему стало не по себе, на краю сознания появилась пугающая мысль, но Илья пока упорно отказывался верить в происходящее.

– Ну да, как же, – криво ухмыляясь, он встал на ноги. – На всей планете не отыскать подобного уголка, природы давно не осталось, так что всё это ложь...

Теперь с высоты человеческого роста он мог лучше рассмотреть окрестности места, в котором оказался. Песчаная площадка находилась в паре шагов от каменистого берега широкой чистой реки. Поток воды казался глубоким и опасным, тёмные воды текли довольно быстро, бурля и создавая воронки и буруны. За рекой виднелся высокий берег, круто уходящий вверх метров на тридцать. И весь противоположный берег густо порос тёмным густым лесом, состоящим из высоченных сосен и елей. Деревья, которые убедительно ка-

зались настоящими, подпирали чистое синее небо, по которому плыли рваные белые облака.

Илья растерянно обернулся. Его берег со всех сторон тоже заполняли высокие лиственные деревья. Мощные ветви, покрытые жёлтой и оранжевой листвой, уходили высоко в небо. Именно они поскрипывали, качаясь на ветру.

Только сейчас Илья заметил в центре площадки высокий чёрный шест высотой в несколько метров. Испытывая болезненное головокружение, он запрокинул голову и некоторое время рассматривал чёрную коробку, в боку которой посверкивала стеклом линза камеры.

Илья обошёл вокруг шеста, разглядывая коробку. На всех четырёх гранях виднелись камеры, снимающие происходящее.

– Снимаете, значит, – недобрым голосом прохрипел Илья. Он поднял кулак и помахал им перед камерой.

Ну, так и есть, он неведомым образом попал на закрытый участок какого-то невероятно богатого человека. Если только это не очередной аттракцион, который мастерски подделывает реальность, создавая картины давно ушедшего мира.

Илья сделал несколько шагов и остановился перед травой. Протянул дрожащую руку и прикоснулся к грубым шершавым листьям. К настоящим листьям. Тогда Илья нагнулся и пощупал песок. Настоящий песок – влажный, холодный и мелкий. Растерянно перетирая между пальцами песчинки, Илья выпрямился и снова посмотрел в сторону другого бе-

рега реки. Настоящий ли там лес? Или реальность ограничивается только водой?

Всё же имитацией тут и не пахло. А пахло водой и растениями. И ещё чем-то. Да, точно, здесь был удивительно чистый воздух. Сложно представить, через сколько слоёв фильтров и ионизаторов они его прогнали, чтобы придать такую первозданную свежесть.

Налетевший порыв холодного ветра заставил его поёжиться и обхватить себя руками. Только сейчас он обратил внимание, что одет лишь в рабочий костюм, а тёплая куртка куда-то подевалась. Он смутно припомнил, что вчера отдал её кому-то.

– Это же надо было так нажраться, – дрожащим голосом бормотал Илья, косясь в сторону камеры. – Выкинул отличную куртку. Сейчас бы она мне и самому пригодилась.

«Какой интересный купол», – подумал он, задирая голову и рассматривая такое настоящее синее небо. А ведь он не видел голубого неба уже много-много лет, потому что облака стремительно разогревающейся планеты закрывали его практически всегда. Да и кто смотрит вообще на небо...

Интересно, на какой технологии основано небо. Экраны там или проекция на потолок? А вот вентиляторы они могли бы и выключить. Холодный ветер налетал порывами и каждый раз заставлял ёжиться от холода, пробирающего до костей.

– Так, ладно, это всё забавно, но пора выходить отсюда, –

раздражённо пробормотал Илья.

Он пошёл в направлении, перпендикулярном реке. И через двадцать шагов растерянно остановился, когда внезапно вышел к другой реке, такой же тёмной, глубокой и опасной. За нею виднелся низкий берег, заросший прибрежными растениями, а далее весь мир заполнял лес, состоящий из тёмно-зелёных елей и жёлто-оранжевых лиственных деревьев. Чтобы убедиться в реальности реки, Илья даже наклонился и потрогал воду – она оказалась ледяной. Он поднёс руку к носу и осторожно понюхал – почти ничем не пахнет, вода как вода.

– Эй вы! – обратился разозлённый Илья к неведомым владельцам аттракциона. – Мне здесь надоело!.. Выключайте это! Вытаскивайте меня отсюда!.. Вы слышите?.. Эй!.. Аллё!.. Мне надоело, и я хочу выйти!

Ему никто не ответил, а голос пугающе быстро растворился в гнетущей тишине мира, который как будто игнорировал его присутствие.

– Ну хорошо, падлы, – злобно прорычал Илья, представляя, как завалит владельцев этой развлекательной богадельни исками в суд. – Дайте мне только до вас добраться...

Неуклюже переставляя тяжёлые ноги, он побрёл вдоль берега, ожидая, что границы искусственного осеннего мирка вот-вот закончатся, и он упрётся в стену. Ему приходилось отодвигать ветви деревьев, перелазить через поваленные стволы и пробираться через заросли кустарников или

высокой травы, и при этом он старался не терять из виду берег реки.

Через пару минут лес кончился. И земля кончилась. В этом месте две реки сливались в одну – ужасающе широкую. Это надо же, сколько воды нагнали в одно место, только чтобы убедить посетителей в реальности мира. Илью не порадовала мысль, что за подобное сомнительное развлечение ему в итоге выставят такой огромный счёт, что придётся трудиться на работе по-настоящему. А он жутко ненавидел свою бессмысленную работу!

Скрипнув зубами, Илья пришёл к выводу, что оказался на мысе или полуострове. Или как там это правильно называется. Дурак, пошёл не в ту сторону. Выход наверняка находился возле места, где он проснулся, а он зачем-то попёрся сюда.

Ругая себя и всё больше свирепея, Илья пошёл обратно, теперь вдоль первой реки. Он кидал неприязненные взгляды на высокий берег, поросший лесом, и мечтал спалить пластиковые заросли.

Примерно через пару минут он вышел к песчаной площадке с камерами на шесте. Потоптался на месте, а потом обратился к неведомым организаторам или владельцам:

– Эй вы! – он снова потряс кулаком, заодно делая свирепое лицо. – Харэ уже! Вытаскивайте меня отсюда! Или я засужу вас!

Ему никто не ответил, и Илья поёжился от холода. До жути хотелось поскорее оказаться в тепле и выпить горячего

кофейного напитка. Или даже съесть чего-нибудь. Впервые за долгое время он почувствовал голод и удивился этому.

Чтобы поскорее завершить это нелепое неприятное развлечение, Илья пошёл дальше. Ему решительно не нравились и эти проклятые деревья, роняющие на него пластиковые листья, и дурацкая трава, царапающая руки, и нереально голубое небо, которого просто не могло быть.

На сей раз он вышел к концу земли быстрее, примерно через минуту. Он тупо смотрел на реку, которая в этом месте раздваивалась, и в голове ворочались неприятные мысли. Но он не хотел верить ни во что подобное и поэтому быстро пошёл обратно, ни на секунду не выпуская кромку воды из глаз.

И пришёл к месту, где уже виднелись его следы – примятая трава и поломанная ветка. Он сделал круг. И весь его мир был ограничен водой со всех сторон.

– Я на острове, – потрясённо пробормотал Илья, глядя с ненавистью на воду.

В этот момент неожиданно весь мир переменился. Илья не сразу понял, что произошло. Но разом стало светло, и краски осеннего мира заиграли по-новому. Он развернулся и посмотрел на прожектор, имитирующий встающее из-за высокого берега солнце. И с криком зажмурил глаза и закрыл их руками, потому что слишком яркий свет осветительного прибора ослепил его.

– Твари! Что же вы делаете! – закричал он в бешенстве.

Голова тут же разболелась ещё больше. Боль пропитала её насквозь, пульсируя и переливаясь. Илья застонал, больше всего мечтая о паре таблеток обезболивающего. Он впервые столкнулся с аттракционом, который не развлекал и не делал приятно, а, наоборот, старался доставить как можно больше неудобств. Ох уж эти торговцы ложным счастьем и сиюминутными удовольствиями – решили совершить переворот в области развлечений и создали место, которое мучает человека.

Ему пришлось держать глаза закрытыми несколько минут. И всё это время яркие пятна упорно плясали под веками. Наконец он с опаской приоткрыл глаза. И посмотрел на свои дрожащие руки, на которых виднелись несколько порезов от грубой прибрежной травы. Да, нервы у него явно не в порядке, давно пора уже сходить к мозгоправу. Но всё не хотелось признаваться самому себе, что ему требуется помощь подобного рода.

Илья быстро вернулся к песчаной площадке. Несколько минут он кричал и махал руками, пытаясь привлечь внимание обслуживающего персонала. Он злился и негодовал, нелепость происходящего всё больше вгоняла его в бешенство.

Но ничего не изменилось. Никто не появился и не выпустил его наружу. Тогда Илья опустился на колени и принялся рыться в песке. Он был уверен, что люк скрывается под тонким слоем песка, которым его специально замаскирова-

ли. Видимо, он вчера по пьяни подписался на участие в каком-то странном развлечении. Или в эксперименте. Кто же был тот мужик, с которым он пил? Илья поморщился, пытаюсь припомнить события предыдущего вечера. Голова заболела ещё больше, но вспомнить ничего не удалось.

Но был же этот мужик. Он точно помнил его седоватую бороду клинышком. И крупное золотое кольцо на руке. Но кто он был? И о чём они говорили? И на что Илья подписался? Вот же идиот!

Запоздало Илья вспомнил про время и вскинул левую руку. Папины раритетные часы из настоящей стали показывали начало восьмого часа. Чёрт! Ему же на работу надо! Он же так опоздает! Илья встрепенулся и перестал рыть песок. Невидящими глазами он уставился в изображение высокого берега, а перед его мысленным взором промелькнули картины грядущей беды. Тревога и страх накатили удушающей волной. Ещё не хватало опоздать на совещание по поставкам, ведь тогда начальник точно сотрёт его в порошок! Этот психопат давно уже изводил Илью нелепыми заданиями и придирками и сейчас точно будет рад такому невиданному поводу.

Илья застонал, представляя все неприятные слова, которыми его оскорбит и унизит начальник. И премии лишит, вот как пить дать! Месяца на три! Это просто катастрофа!

Холодный пот потёк по шее и спине. Илья вскочил на ноги и снова принялся кричать, подпрыгивая и размахивая ру-

ками перед всеми четырьмя камерами поочерёдно. Он угрожал, уговаривал, умолял и даже, кажется, один раз сорвался и принялся плакать, надеясь достучаться до жестоких людей, заперших его внутри проклятого купола или ангара. Бесплезно.

Искусственное солнце взошло ещё выше, и воздух заметно потеплел, Илья хоть перестал дрожать и кутаться в пиджак. Но теперь ему всё сильнее хотелось есть. Он не отказался бы и от вчерашнего бургера, который равнодушно бросил наполовину съеденным. При мысли о синтетическом мясе рот наполнился слюной, а желудок болезненно сжался.

– Уроды, я есть хочу! – закричал он в приступе злобы.

Выход надо было искать срочно. Для этого Илья ещё раз обошёл весь остров по периметру. Никакого люка или потайной двери он так и не обнаружил. Но теперь картина его маленького мирка стала более отчётливой. Ему достался остров шириной в десять-пятнадцать метров и длиной метров в триста. Он торчал посреди искусственной глубокой реки с быстрым течением. Остров густо порос лиственным лесом, но названий этих деревьев Илья не знал. Да он и знать не хотел, если уж на то пошло. Ему вообще было наплевать на это дурацкое место, он хотел лишь вернуться в цивилизацию и поспешить на работу, пока не стало слишком поздно.

Ему не понравилась находка, которую он сделал случайно, когда углубился в заросли колючего кустарника, цепляющегося за одежду. В глубине кустов, внутри примитивного

шалаша лежал человеческий скелет, вполне целый и хорошо сохранившийся. Или точнее, очень удачно изготовленный. Илья наткнулся на него совершенно случайно и сначала даже испугался, но быстро вспомнил, что здесь всё бутафорское, и даже презрительно пнул ногу мертвеца. И увидел мобильный телефон, наполовину засыпанный землёй.

Точно! Чёрт возьми, как же он раньше не вспомнил про телефон!

Он принялся лихорадочно ощупывать карманы и радостно воскликнул, обнаружив аппарат во внутреннем кармане пиджака.

– Сейчас полиция с вами разберётся, – злорадно пообещал он, включая экран.

Радость оказалась недолгой – связь отсутствовала полностью. Илья исходил весь остров вдоль и поперёк, надеясь, что где-нибудь появится волна. Но нет, искусственный осенний мир создали, видимо, где-то под землёй. Или же связь глушили специально, чтобы создать еще большее ощущение дикой местности. Расстроенный и разозлённый Илья всё равно зашёл в «общалку» и написал сообщение Антону. И приложил несколько фотографий странного места, в котором оказался. После этого сделал удачную фотографию реки и леса, наложил на неё несколько фильтров и залил в черновик популярной соцсети. Ничего, как только связь появится, Антон получит сообщение, а подписчики сдохнут от зависти. Ещё бы – не каждому дано оказаться на секретной территории

миллиардера, для которого сохранили или заново воссоздали кусок природы.

Оставалось только надеяться, что он не подписывал вчера никаких документов. Тогда, если ему выставят счёт за пребывание в этом мире, он сможет доказать, что эти приключения ему навязали насильно. Этот бородатый мужик, кем он там представился вчера? Профессором, кажется?

Всё же, это эксперимент. Не иначе. Но в чём его смысл? И какова цель? Заморить его голодом? Или довести до бешенства отсутствием элементарных удобств?

Илья в очередной раз обыскал весь остров, заглядывая под каждый куст и разгребая кучи листьев под деревьями. Один раз какой-то мелкий зверёк пискнул и попытался кинуться на него, но Илья в бешенстве пнул механическую игрушку, и та улетела в реку. К сожалению, никаких запасов еды он так и не обнаружил. Организаторы не позаботились о его пропитании. Или же так и было запланировано. Хотели заставить его жевать пластиковую траву?

Солнце перевалило через низкий зенит и начало свой путь к горизонту, когда усталый и злой Илья вернулся к площадке и снова покричал перед камерами. Он высказал всё, что думал об идиотах, которые затеяли такое бесчеловечное развлечение... И вдруг до него дошло. Развлечение! Это место предназначено не для того, чтобы развлекался он. Развлекаются другие, наблюдая за ним!

Теперь стало ясно, что выход с острова есть только один –

доплыть до двери, замаскированной под реку. И, конечно же, она находится напротив песчаной площадки и одна из камер специально нацелена именно в ту сторону. Илья засмеялся с облегчением.

Он взял телефон в правую руку и нерешительно вошёл в ледяную воду. Ноги сразу заныли от холода, и ему пришлось сжать зубы, чтобы вытерпеть неприятные ощущения. Илья ожидал, что ему придётся сделать буквально пару-тройку шагов, и он неизбежно уткнётся в плазменные панели, на которых изображалась природа. Не могли же они на самом деле налить сюда так много чистой драгоценной воды.

Но они смогли. Они налили её столько, что после трёх шагов Илья погрузился в воду уже по пояс. Он застыл на месте, нерешительно всматриваясь вперёд. Потом поднял руку с телефоном над головой и сделал ещё два шага. И провалился под воду с головой.

Фыркая и шумно вдыхая воздух, поднимая массу брызг и рождая вокруг себя волны, он неумело забарахтался, работая только одной рукой и стараясь держать драгоценный телефон над водой. Одежда сковывала движения и мешала плыть. Ноги не чувствовали дна и инстинктивный страх немедленно заполнил его до отказа. Он проплыл ещё пару метров, но ожидаемого предела мира так и не достиг. Настоящая вода плескалась кругом, куда ни посмотри, а сильное течение относило его всё дальше. Силы стремительно заканчивались, а холод смешивался со страхом и сковывал конеч-

ности. Илья развернулся и поплыл обратно к острову.

Он вылез из воды обессиленный и напуганный почти в самом конце острова. Упал на землю, прогретую солнцем, и несколько минут просто шумно дышал, ощущая непривычное бешеное биение сердца и гудение крови в сосудах. Он лежал и смотрел на длинные зеленовато-жёлтые листья смятой им прибрежной травы. Иногда в поле зрения оказывался какой-нибудь жук, деловито следующий по своим делам. В конце концов Илья протянул руку и оторвал часть листа. Поднёс его к носу и принюхался – еле заметный запах зелени и сока. С удивлением до Ильи дошло, что трава на острове настоящая.

Тогда он вскочил на ноги и поспешил к ближайшему дереву. Протянул дрожащую руку и сорвал лист. Порвал его пополам, растёр между пальцами, засунул в рот. Не пластик.

– Это настоящие растения, чёрт возьми, – потрясённо пробормотал Илья, обводя остров восхищённым и удивлённым взглядом. Подумать только, столько настоящих деревьев в одном месте! Живых деревьев!

Даже невозможно представить, сколько сотен миллионов денежных единиц потратил неведомый миллиардер, чтобы вырастить такой огромный лес из пробирок подпольной лаборатории. Огромные деньги!

Теперь Илья смотрел на остров другими глазами. Его переполнял трепет перед человеком, который пустил всё своё состояние на создание кусочка настоящего мира. Но что то-

гда здесь делает он? Какова его роль?

Он крупно задрожал и только сейчас вспомнил, что промок насквозь. Проверил работоспособность телефона и облегчённо вздохнул. Разглядывая деревья и кустарники восхищёнными глазами, Илья вернулся к площадке. Стыдливо оглядываясь по сторонам и косясь в сторону камер, он снял костюм и разложил его на прогретом песке, поставив рядом расшнурованные ботинки. Рубашку повесил на ветку дерева, стараясь, чтобы на неё попадали лучи солнца, а трусы и носки накинул на колючий куст. Потом сел спиной к солнцу, обхватил колени руками и сжался в комок, стараясь унять крупную дрожь.

Он смотрел на высокий берег, поросший деревьями, и гадал, где проходит граница иллюзорной реальности. Есть ли берег? Если есть, то настоящие ли там деревья? Неужели и они?!..

Было странно впервые в жизни ощущать прикосновение песка к телу. И прикосновение ветра. И лучей солнца. И ощущать ворох запахов, которым не было места в настоящем мире. И голод.

Голова не переставала болеть, но он уже почти привык к неприятным ощущениям, лишь иногда морщился. Впрочем, причин для головной боли было предостаточно. Похмелье давало о себе знать, хотя купание в ледяной воде здорово его освежило. Ему было холодно, хотя прожектор и согревал спину. А ещё он по-прежнему нервничал и переживал

по поводу пропуска работы. Оставалось лишь надеяться, что организаторы этой природной реконструкции дадут ему веские документы, которые не позволят уволить его. Или сами заплатят ему с лихвой, чтобы покрыть убытки от увольнения. Надо же как-то продержаться, пока он не устроится на новую работу... Как будто это так просто... Он эту-то искал больше года...

От мыслей о работе настроение опять испортилось, и Илья поднялся на ноги, стыдливо прикрывая рукой гениталии. Мокрые волосы неприятно холодили голову, и он снял резинку и позволил им свободно упасть вниз. Потом взял прядь и некоторое время рассматривал её, вспоминая, что необычные очень светлые волосы всегда пользовались большим успехом у женщин. Как и его редкие голубые глаза.

Чтобы как следует согреться и просохнуть, он принялся приседать и подпрыгивать на месте. Довольно быстро вялые мышцы устали и начали ныть, но он заставлял себя прыгать снова и снова, сжав зубы и шумно дыша. Какое-то странное упрямство не давало ему сдаться так быстро.

От физических упражнений он согрелся, но ещё больше захотел есть. Сейчас даже мерзкие макароны из рабочего буфета показались бы ему настоящим лакомством, лишь бы только внутри не было этого непривычного тянущего ощущения.

Он нервно шагал по периметру песчаной площадки и всё силился вспомнить человека, которому вчера дал какое-то

согласие. Чёрт, неужели надо было так сильно напиться, чтобы теперь в голове остался только мутный кисель из обрывков воспоминаний, которые не давали ни одного ответа на мучившие его вопросы.

Одежда из синтетики успела полностью просохнуть до того момента, как осветительный прожектор коснулся деревьев на низком берегу. Илья с радостью оделся и натянул на ноги чуть сырые ботинки. Ещё раз проверил телефон и с тревогой заметил, что зарядка приблизилась к половине. Ради экономии энергии он решил выключить аппарат и периодически включать, чтобы проверять наличие связи.

Как только прожектор скрылся за деревьями низкого берега, как-то разом стало темно. По-настоящему темно. Серые сумерки промелькнули так быстро, что Илья опешил от густоты и насыщенности мрака, в который погрузился весь мирок. Ему, жителю города, никогда не доводилось бывать в настоящей темноте. Тут он и вспомнил устаревшую фразу «хоть глаза выколи» и впервые понял её смысл.

Вместе с темнотой пришёл сильный холодный ветер, который задул вдоль реки. Деревья зашумели, а по реке побежали волны, они плескались в темноте, пугая Илью.

– Погодите-ка! – закричал он, повернув голову, как ему хотелось верить, к шесту с камерами. – Вы что, собираетесь меня здесь на ночь оставить?!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.